

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ НАУЧНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
КАК КАТЕГОРИИ ПОЛИТИКИ»
(МОСКВА, МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА, 1 НОЯБРЯ 2023 Г.)**

Андерсон Кирилл Михайлович
кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва);
ведущий научный сотрудник
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)

**УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СПРАВЕДЛИВОСТИ И ГОСУДАРСТВА¹**

Современная аналитика проблем социальной справедливости и социального государства представляет собой междисциплинарное направление, ориентированное и на комплекс социальных наук, и на социально-политическую практику. Она сочетает академические исследования и политическую педагогику с четко выраженной ориентацией на улучшение «жизненных шансов» индивидов и сообществ. Данная тенденция проявила себя уже в эпоху классической античности. В истории социально-политической мысли универсальная диада («диадическая коммуникация») концептов «справедливость» и «государство» возникает вместе с возникновением в Древней Греции рациональной политической теории. В классической форме она была сформулирована в «Государстве» Платона. В построении идеального полиса Платон исходит не из вопроса о преимуществе той или иной формы правления, а из рассуждений о природе справедливости. Вследствие этого «Государство» – «не только и даже, быть может, не столько социально-политический трактат, сколько трактат, излагающий теорию воспитания и теорию политической этики»². Анализ осуществляется, с одной стороны, в форме критики отождествления софистом Фрасимахом справедливости с «чужим благом, устраивающим сильнейшего» (Resp., I, 343c), а с другой – чисто логическим путем, в ходе индуктивного поиска наиболее общей ее формулы, вмещающей в себя все грани человеческих мыслей и поступков. Приняв в качестве наилучшего определение справедливости как «вида блага, которое прекрасно и само по себе, и по своим последствиям» (Ibid., II, 357e–358a), Сократ в диалоге предлагает перевести обсуждение нравственных вопросов из индивидуальной сферы в сферу государственной этики на том основании, что в полисе «справедливость принимает большие размеры, и ее легче там изучать» (Ibid., II, 368e; ср.: VIII, 544d–e). В дальнейшем на протяжении всего диалога проведение интеллектуального эксперимента по сооружению здания идеального полиса основывается на выводах, рассматриваемых одновременно и в качестве исходных принципов: «В государстве и в душе каждого отдельного человека имеются одни и те же начала, и число их одинаково...; оба они одинаково обладают и всем прочим, что имеет отношение к добродетели... и справедливым ... отдельный человек бывает таким же образом, каким осуществляется справедливость в государстве» (Ibid., IV, 441c–d, пер. А. Н. Егунова)³.

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² Асмус В. Ф. Платон. М., 1975. С. 145.

³ Ссылки и цит. по изданию: Plato. Republic. Vol. 1. Books 1-5. Ed. by Paul Shorey. Cambridge, Mass.; London, 1937; Plato. Republic. Vol. 2. Books 6-10. Ed. by Paul Shorey. Cambridge, Mass.; London, 1942.

В свое время Ж. Люччони, обратив внимание на безоговорочное принятие собеседниками Сократа его предложения, сделал следующее заключение: «У читателя, таким образом, существовало убеждение в общепринятости сравнения индивида и общества, а также перехода от одного к другому, поскольку обычно считалось, что моральная проблема была одновременно и проблемой политики»¹.

В трудах Аристотеля («Никомахова этика», «Большая этика», «Политика» и др.) акцентируется внимание на различии между двумя формами справедливости: (1) распределительной справедливостью, которая занимается распределением товаров и услуг в обществе (своего рода моральная экономика), и (2) «справедливостью воздаяния», характеризующей способы обращения с теми, кто нарушает установленные законы, правила или моральные нормы. Фома Аквинский под влиянием Аристотеля утверждал, что «справедливость — это определенная прямота ума, благодаря которой человек делает то, что он должен делать в обстоятельствах, с которыми он сталкивается»². Точно так же Иммануил Кант утверждал, что действия являются морально правильными, если они мотивированы долгом без учета каких-либо личных мотивов или корысти. Теория социальной справедливости Канта базируется на концепции бескорыстия и морального долга. Его моральная теория, основанная на долге, впоследствии стала именоваться деонтологией³.

Термин «социальная справедливость» впервые был использован в 1840 г. сицилийским священником Луиджи Тапарелли д'Адзельо, а в 1848 г. его формулирует Антонио Росмини-Сербати в сочинении «Гражданская конституция согласно социальной справедливости» (*La Costituzione Civile Secondo la Giustizia Sociale*). Впоследствии Джон Стюарт Милль придал понятию «социальная справедливость» почти универсальный статус: «Мы должны, — писал он, — одинаково хорошо относиться ко всем... кто одинаково хорошо этого заслуживает, и чтобы общество одинаково хорошо относилось ко всем, кто в равной степени хорошо заслужил такое отношение... Это высший абстрактный стандарт социальной и распределительной справедливости, к которому должны быть направлены все учреждения и усилия всех добродетельных граждан»⁴.

Схожим путём развивалось учение Роберта Оуэна, приверженцы которого именовали себя кооператорами, то есть сторонниками общества, основанного на сотрудничестве (*cooperation*), а не разобщённости⁵. После 1835 г. последователи знаменитого филантропа предпочитали называть себя социалистами, а план Оуэна — «социальной системой». Понятие социального было наиболее употребляемым в их лексиконе («социальные вечера», «социальные лекции», «социальные клубы» и т.д.). Те же изменения претерпело само название сен-симонистов, издавших, подобно оуэнистам⁶, собственную «Библию»⁷.

¹ Luccioni J. *La pensée politique de Platon*. Paris, Presses Universitaires de France, 1958. P. 119; см. подробнее: Гуторов В. А. *Античная социальная утопия: вопросы истории и теории*. Л., 1989. С. 155–156.

² Цит. по: Kirk R. *The Meaning of Justice*. Heritage Lecture №457 (1993). [Электронный ресурс] URL: <http://www.heritage.org/Research/PoliticalPhilosophy/HL457.cfm>

³ См.: Flew A. *A Dictionary of Philosophy*. London: Pan Books/Macmillan, 1979. P. 191; см. также: Freire P. *Pedagogy of the Oppressed*. New York, 1970.

⁴ Mill J. S. *Utilitarianism, Liberty and Representative Government*. London, 1960. P. 57-58.

⁵ Подробнее см.: Андерсон К. М. «Земной рай» доктора Уильяма Кинга // *История социалистических учений*. М., 1982. С. 88–110; Андерсон К. М. *Идеи кооперации в западноевропейской общественной мысли начала XIX века*. М., 1999; Андерсон К. М. *К вопросу о характере оуэнистских организаций*. М., 1981; Андерсон К. М. *Новая религия Оуэна* // *EXPERIMENTUM-2014*. Сборник научных статей философского факультета МГУ. М., 2014. С. 4–11; Андерсон К. М. *Оуэнисты в Британии. Утопический социализм и общественные движения в Англии, 1810-1830-е гг.* М.: Наука, 1989; Андерсон К. М. *Превзойти учителя. Роберт Оуэн и оуэнисты*. М., 2020; Андерсон К. М. *Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада*. М., 2019; Роберт Оуэн: *жизнь и идеи* / под ред. К. М. Андерсона и А. А. Ширинянца. М., 2014.

⁶ Оуэн Р. *Из книги о новом нравственном мире* // Роберт Оуэн. *Избранные сочинения*. Том II. М.-Л., 1950. С. 5–115.

⁷ *Le Livre Nouveau des Saint-Simoniens*. Edition, introduction et notes par Philippe Régnier. Du Lérot, «Transferts», 1991.

В конце девятнадцатого века термин «социальная справедливость» использовался социальными реформаторами как призыв к правящим классам обратить внимание на нужды масс изгнанных крестьян, ставших городскими рабочими или обездоленными. Значение социальной справедливости стало варьироваться в зависимости от различных определений, точек зрения и социальных теорий. «Идеология» социальных реформ, безусловно, восходит к традиции западноевропейского утопического коммунизма, сформировавшейся в эпоху раннего модерна. Контуры образа «социального государства», основанного на идее социальной справедливости, довольно отчетливо просматриваются в ранних коммунистических проектах, например, в «Утопии» Томаса Мора (1516) и «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы (1602). Рассматривая вслед за Платоном федерацию, как наиболее соответствующую своему идеальному проекту политическую форму, Мор основное внимание уделяет организации производства в отдельной общине. Хозяйственная деятельность в Утопии осуществляется на основе всеобщей трудовой повинности свободного населения. Отсутствие всякой частной собственности и обязательное участие всех граждан в общественном труде является постоянным источником всеобщего изобилия, с избытком, по мнению Мора, перекрывающего потребности жителей идеального государства. Требуя покончить с паразитическим существованием прослоек населения – праздной толпы священников и монахов, «богатых, особенно владельцев поместий... их приближенных, весь этот сброд ничего не делающих оруженосцев, наконец... здоровых и крепких нищих-бездельников, прикрывающихся какой-нибудь болезнью»¹, Мор стремился не только облегчить положение трудящихся, но и, выдвигая принцип обязательного участия всех в общественном труде, осуществить гуманистическую идею всесторонне развитой личности. В «Городе Солнца» «каждый, на какую бы службу ни был назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов, развращающих нравы, у них (соляриев) нет: они в полной мере обслуживают себя сами и даже с избытком... Обязанности, художества, труд и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день... и все это делается радостно»². Анализ политических и экономических идей Т. Мора и Т. Кампанеллы немало даёт для понимания важнейшего с методологической точки зрения вопроса о том, каким образом гуманистами этого периода решалась проблема реализации на практике экономических и политических принципов «справедливого государства» на основе социального равенства и какую роль в теоретическом обосновании реформ играло античное идейное наследие. Переосмысленная Т. Мором и Т. Кампанеллой синтетическая платоновско-аристотелевская «матрица», так или иначе, лежит в основе теорий справедливости и справедливого общества, разработанных в трактатах социалистов-утопистов XIX века – Роберта Оуэна, Анри де Сен-Симона, Шарля Фурье, а в дальнейшем и их многочисленных последователей, включая К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Большинство концепций социальной справедливости апеллирует к «эгалитарному обществу», основанному на принципах равенства и солидарности, которое понимает и ценит права человека, и признает достоинство каждой личности. В этом смысле они отражают три символические ценности Французской революции – «свобода, равенство, братство». Во всем мире наиболее часто цитируемым выражением основополагающих принципов социальной справедливости является «Всеобщая декларация прав человека», одобренная международным сообществом в 1948 г. Большинство теорий общественного договора, начиная с Руссо и Милля, подчеркивают важность государства, которое отдает приоритет «благополучию своих граждан и это обеспечивает защиту некоторых основных неотъемлемых прав»³.

¹ Мор Т. Утопия. М., 1952. С. 186.

² Кампанелла Т. Город солнца. М., 1947. С. 60–61.

³ Schugurensky D. The Heteronomous University and the Question of Social Justice // Search of a New Social Contract. Paper presented at the World Congress of the Comparative and International Education Society (CIES), Havana, Cuba, 25-29 October. P. 4.

Сегодня универсальный смысл теоретического взаимодействия справедливости и государства остается практически неизменным; он постоянно воспроизводится не только в различных направлениях современной политической философии, но и в многообразных идеологических дискурсах. Начиная с эпохи раннего модерна и вплоть до наших дней «платоновская матрица», на основе которой осуществляется теоретическая «связка» между концептами справедливости и государства, широко представлена в различных версиях идеологии либерализма, социализма и консерватизма. Все они могут рассматриваться как системы интерпретации политических понятий. Например, приверженность сторонников социализма определенным представлениям о справедливости логически втекает из всего комплекса идей о равенстве, свободе и «справедливом государстве».

Андерсон Кирилл Михайлович

кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва);
ведущий научный сотрудник
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)

Гуторов Владимир Александрович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и философии политики
Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);
ведущий научный сотрудник

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)

Шириняц Александр Андреевич

доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва);
ведущий научный сотрудник
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)

**ПРОЕКТ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
КАК КАТЕГОРИИ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ»: ПРОЛЕГОМЕНЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

Проект «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации», поддержанный Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертным институтом социальных исследований, нацелен на исследование теоретических проблем интерпретации социальной справедливости в структуре практик современной социальной политики, ориентированных на формирование институциональных и правовых механизмов социального государства в различных регионах мира.

Анализ многообразных проблем социальной политики, направленной на формирование «справедливого социального государства», связан с множеством теоретических и вполне реальных политических парадоксов. На протяжении всей истории социально-политической мысли, особенно в области теории политики и права, постоянно возникают трудности, связанные с интерпретацией взаимодействия между законом и справедливостью.

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Предметом обсуждения является следующий вопрос: каким образом закон может оказаться причастным к несправедливости? Философы от Платона до Жака Деррида неизменно апеллировали к закону во имя справедливости, связывая язык и символику права с проблемой создания справедливого общества¹. Однако справедливость нередко оказывается неуловимой, если не иллюзорной и «оторванной» от традиционных правовых практик. Так или иначе, ученые и политические теоретики вынуждены признавать, что на протяжении всей истории цивилизации закон слишком часто проявляет себя как инструмент несправедливости. На каждый шаг, сделанный на пути к добру, делается равное, если не большее, количество шагов во имя зла. В результате при изучении права, несправедливость, как утверждает Джудит Шklar, «не должна рассматриваться интеллектуально как поспешная предварительная подготовка к анализу справедливости»². Согласно Шklar, «настоящее царство несправедливости расположено не в аморальном и доправовом состоянии природы. Оно не появляется только в тех редких случаях, когда политический порядок полностью рушится даже в самых знаменитых государствах. Большинство несправедливостей постоянно происходит в самое обычное время в рамках стабильного государства с действующей системой законодательства»³.

В прежние времена говорить о законе и справедливости было не так обременительно и трудно. Справедливость ассоциировалась с римским термином «*jus*», означающим «право». Справедливость была юридическим термином – чистым и простым. Она изначально определялась и конституировалась законами, которые были «даны» и считались непреложными и неизменными⁴. Эта неизбежная связь между справедливостью и законом имела то достоинство, что делала границы справедливости более или менее четкими; но у нее был существенный порок, заключающийся в том, что она эксплицитно подразумевала справедливыми даже гнусные и несправедливые законы. Справедливость не могла выполнять никакой критической или реконструктивной работы, поскольку невозможно было размышлять о справедливости как о некоем пространстве за пределами закона.

Вопреки Гоббсу⁵, большинство теоретиков естественного права сопротивлялось обозначенному выше толкованию, настаивая на том, что несправедливый закон не является законом, хотя это означало конец любого простого отождествления позитивного, или человеческого закона с «реальным» или обязательным правом. По мнению многих теоретиков права, единственная альтернатива состоит в том, чтобы отделить справедливость и закон друг от друга и рассматривать справедливость как нечто большее, чем простое подчинение закону, признавая тем самым, что даже несправедливые законы, тем не менее, могут называться таковыми⁶.

Одна из наиболее важных теоретических задач исследования заключается в обосновании тезиса, согласно которому большинство современных концепций социальной политики, связанной с обоснованием идеи «государства всеобщего благосостояния» (*welfare*

¹ См.: Derrida J. Force of Law: “The Mystical Foundation of Authority” // *Cardozo Law Review*. 1990. No. 11. P. 919; см. также: Lovett, Frank A. *A General Theory of Domination and Justice*. New York, 2010.

² См.: Shklar J. *The Faces of Injustice*. New Haven, 1990. P. 19; ср.: Cahn E. *The Sense of Injustice: An Anthropocentric View of Law*. New York, 1949; *The Sense of Injustice: Social Psychological Perspectives*. Ed. by Robert Folger. New York, 1984.

³ Shklar J. *The Faces of Injustice*. New Haven, 1990. P. 19.

⁴ См.: Frank H. Knight, *On the Meaning of Justice* // *Justice*. Ed. by Carl J. Friedrich and John W. Chapman. Englewood Cliffs, New Jersey, 1963. P. 1; см. также: Гуторов В. А. *Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции* // *Полис. Политические исследования*. 2001. № 1. С. 157–167.

⁵ См.: Hobbes Th. *Leviathan*. Indianapolis, 1958. P. 119–120.

⁶ См.: Hart H. L. A. *The Concept of Law*. Oxford, 1961, chap. 9; ср.: Fuller L. *The Morality of Law*. Rev. ed. New Haven, 1964, chaps. 2 and 3; в новейшей работе «Концептуальное исследование справедливости» Кайл Йохансен предпринял, на наш взгляд, не вполне удачную попытку подвести итоги обозначенных выше дискуссий: Johannsen K. *A Conceptual Investigation of Justice*. New York; London, 2017; ср.: Frøslee Ibsen M. *A Critical Theory of Global Justice: The Frankfurt School and World Society*. Oxford, 2023.

state) на уровне социально-политической теории по большей части вписывается в естественно-правовую парадигму¹.

Напротив, гоббсовская концепция «естественного состояния» в известной степени стала своеобразным символом политики неолиберальных политических группировок, пришедших к власти в Западной Европе и США на рубеже 1970-1980-х гг. В начале 1990-х гг. именно это направление политики определяло вектор экономического и социально-политического развития в посткоммунистическом мире, включая и современную Россию².

В своих многочисленных трудах «Социальная политика: теория и практика», «Аргументы в пользу благосостояния», «Государство всеобщего благосостояния: общая теория» и др. известный британский политолог Пол Спикер специально подчеркивает инструментальный характер этой категории, напрямую связывая его с современной концепцией государства всеобщего благосостояния: «Социальная политика начинается с изучения социальных услуг и государства всеобщего благосостояния. Она развивалась на основе “социального управления”, области знания, посвященной подготовке людей к работе в социальных службах на практике... Под социальными услугами в основном понимается социальное обеспечение, жилье, здравоохранение, социальная работа и образование – “большая пятерка” – наряду с другими, которые поднимают аналогичные вопросы, такие как занятость, тюрьмы, юридические услуги, общественная безопасность ... даже канализация... Если речь идет не только о драматических и эмоционально волнующих темах, но и о таких вещах, которые важны для людей и предназначены для улучшения их жизни, которые могут восприниматься как должное, когда они есть, и делают жизнь невыносимой, когда их нет, то стоки – довольно хороший пример»³.

«Прагматические» труды Спикера и других представителей этого направления рассматриваются в проекте как «крайняя точка» пространного континуума, на другом конце которого располагаются труды философов и экономистов, посвященные многочисленным аспектам интерпретации социальной политики в контексте социально-политической философии, политэкономии и этики. В теоретическом плане ведущую роль в рамках данного направления играют труды Петера Козловски⁴. В них отчетливо сформулированы принципы, которые разделяют многие сторонники синтетического подхода к анализу социальной политики с междисциплинарных позиций. «Более интересным для экономики и социальной

¹ См., например: Bhargava R. Justice: Political, Social, Juridical. Ed. by Rajeev Bhargava, Michael Dusche, Helmut Reifeld. New Delhi, 2008; Distributive Justice Debates in Political and Social Thought: Perspectives on Finding a Fair Share. Ed. by Camilla Boisen, Matthew C. Murray. New York; London, 2015; Everingham Chr. Social Justice and the Politics of Community. London; New York, 2018; Mobilities, Mobility Justice and Social Justice. Ed. by Nancy Cook David Butz. London; New York, 2019; Gajevic Sayegh A. Justice in a Non-Ideal World: Bridging the Gap Between Political Theory and Real-World Politics. London; New York, 2019; Practical Justice: Principles, Practice and Social Change. Ed. by Peter Aggleton, Alex Broom, Jeremy Moss. Routledge, London; New York. 2019; Moody-Adams M. Making Space for Justice: Social Movements, Collective Imagination, and Political Hope. New York, 2022; Human Rights and Social Justice: Key Issues and Vulnerable Populations. Ed. by Carole Cox, Tina Maschi. London; New York, 2022; ср.: Barry B. Why Social Justice Matters. Cambridge, 2005; Social Justice, Global Dynamics: Theoretical and Empirical Perspectives. Ed. by Ayelet Banai, Miriam Ronzoni, Christian Schemmel. London; New York, 2011.

² См., например: Novak M., Adams P., Shaw E. Social Justice Isn't What You Think It Is. London; New York, 2015; Cowen N. Neoliberal Social Justice: Rawls Unveiled. Cheltenham, UK; Northampton, MA, 2021; Where Has Social Justice Gone?: From Equality to Experimentation. Ed. by Emmanuelle Barozet, Ivan Sainsaulieu, Régis Cortesero, David Mélo. Cham, Switzerland, 2022.

³ Spicker P. Social Policy: Theory and Practice. Third Edition. Bristol, 2014. P. 1-2; см. также: Spicker P. The Welfare State: A General Theory. London, 2000; Spicker P. Liberty, Equality, Fraternity. Bristol: The Policy Press, 2006; Spicker P. Arguments for Welfare: The Welfare State and Social Policy. London; New York, 2017 и др.

⁴ См.: The Good and the Economical: Ethical Choices in Economics and Management. Peter Koslowski, Yuichi Shionoya (eds.). Berlin; Heidelberg. 1993; Restructuring the Welfare State: Theory and Reform of Social Policy. Peter Koslowski, Andreas Føllesdal (eds.). Berlin; Heidelberg. 1997; Koslowski P. Principles of Ethical Economy. Dordrecht, 2001; The Theory of Capitalism in the German Economic Tradition: Historism, Ordo-Liberalism, Critical Theory, Solidarism. Yuichi Shionoya, Peter Koslowski (eds.). Berlin; Heidelberg. 2001; Corporate Citizenship and New Governance: The Political Role of Corporations. Ingo Pies Ingo Pies, Peter Koslowski (eds.). Dordrecht; Heidelberg; London; New York, 2011.

философии вопросом, – отмечает Козловски, – является вопрос о том, склонны ли государства всеобщего благосостояния, к которым мы привыкли, по своей природе создавать у людей иллюзии относительно их реального богатства, и можно ли уменьшить эти иллюзии путем изменения экономической организации и дизайна органов социального обеспечения»¹.

На наш взгляд, анализ проблем социальной политики рамках данного направления, представляет исключительную важность в плане разработки теоретических оснований и практических подходов к реализации инновационного проекта социального государства в современной России.

К этому нужно добавить, что одной из главных задач проекта выступает реинтерпретация категорий «справедливость» и «социальное государство» с учетом новейших дискуссий в области политической концептологии и в различных направлениях политической теории. При этом постоянно возникает проблема сложной семантики терминов, связанных с базовой категорией «справедливость». Например, прилагательное «социальный» отличается в терминологическом плане социальную справедливость от концепции справедливости, применяемой в юриспруденции, и от более неформальных концепций справедливости, встроенных в системы государственной политики и морали, которые различаются от одной культуры к другой и поэтому не имеют глобального измерения. Социальная справедливость относится к «общей справедливости» социума в его во всем его многообразии и распределении общественных тягот и наград.

На главный недостаток теорий социальной справедливости XX века указывает Ф. А. Хайек. Он подчеркивает, что большинство создателей этих теорий считает, что они употребляют этот термин для обозначения добродетели (моральной добродетели), но многие их характеристики социальной справедливости, относятся к «безличному положению дел»: «высокий уровень безработицы», «неравенство доходов» или «отсутствие прожиточного минимума» приводятся как примеры «социальной несправедливости». Хайек утверждает, что социальная справедливость либо является добродетелью, либо нет. Если это так, то его можно с полным правом приписать только рефлексивным и преднамеренным действиям отдельных лиц. Однако некоторые ученые, использующие этот термин, приписывают его не отдельным лицам, а социальным системам. Они используют «социальную справедливость» для обозначения регулирующего принципа порядка, особенно перераспределения богатства, доходов и власти. Их внимание сосредоточено не на добродетели, а на политической экономии и власти².

Социальная справедливость как конструкт – это попытка ответить на следующий вопрос: как мы можем способствовать созданию более равноправного, уважительного и справедливого общества для всех? Постоянно возникают вопросы концептуального и методологического характера, которые имеют отношение к текущим дискурсам социальной справедливости. Нередко предполагают, что термин «социальная справедливость» имеет монокультурное и линейное определение. Однако на самом деле термин «социальная справедливость» представляет собой многоуровневую идеальную конструкцию и относится к оспариваемой и противоречивой концепции³. На наш взгляд, семантическая двусмысленность в трактовках социальной справедливости обусловлена тем, что она встроена в дискурсы, исторически сложившиеся и являющиеся местом конфликтных и расходящихся политических интересов.

¹ Restructuring the Welfare State: Theory and Reform of Social Policy. Peter Koslowski, Andreas Føllesdal (eds.). Berlin; Heidelberg. 1997. P. 2.

² См. подробнее: Novak M. Defining Social Justice. 2000 [Электронный ресурс] URL: <https://www.firstthings.com/search?q=>

³ См.: Barry T., Vincent C. The Discourses of Social Justice in Education // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education. 1995. 16(2). P. 149-166; ср.: Гуторов В. А. Российский консерватизм в историческом и культурном измерениях: опыт сравнительного анализа // Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / Светлов Р. В., Богатырев Д. К., Кожурин А. Я. и др. СПб., 2016. С. 69–136.

Гуторов Владимир Александрович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и философии политики
Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);
ведущий научный сотрудник
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСОВ СПРАВЕДЛИВОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА¹

В современной социальной теории и политико-философском дискурсе понятия «справедливость» и «социальное государство» составляют теоретическую диаду, на основе которой формируются различные концептуальные модели «справедливого общества». Справедливое общество — это нормативная идея, выражающая представление о том, каким общество «должно быть». При всех ее разнообразных трактовках она неотделима от таких понятий как «справедливость», «равенство», «свобода» и ряда других. В философском дискурсе эта идея представляет собой проекцию той или иной концепции справедливости на социальные отношения вообще и отдельные страны, в частности. Вопрос — *Что такое справедливое общество?*, сформулированный однажды в «Государстве» Платона, с тех пор постоянно обозначается в различных системах политической философии — от Джона Стюарта Милля до Юргена Хабермаса, Джона Ролза и Роберта Нозика². Политики и политические теоретики в странах западной «либеральной демократии» постоянно использовали эту идею в различных смыслах и контекстах (Л. Джонсон, П. Трюдо и др.), но ещё со времен Д. С. Милля она, по большей части, связана с рядом нормативных принципов, в основе которых лежат требования предоставить людям жить своей жизнью, пока они не нарушают прав других, пропорционально распределять общественные ресурсы на основе социальной справедливости. Явления, вызывающие «дефицит справедливости», либерально настроенные политики обычно рассматривают как временные и преходящие, ссылаясь на примеры глубинных кризисов на Балканах или в странах Африки, Латинской Америки и т.д.³

Обозначенные выше нормативные принципы не противоречат общесоциологическому постулату, согласно которому в современном мире, как и в прошлые эпохи, не существует альтернативы государству. «Можно утверждать, — отмечает британский политический философ Джонатан Вулфф, — что существует достаточно оснований, чтобы признать: государство оправдано без необходимости каких-либо дальнейших аргументов. В конце

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² См., например: Hollinger D. P. *Choosing the Good: Christian Ethics in a Complex World*. Grand Rapids, Michigan, 2002. P. 166. см. также: Гуторов В. А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. Политические исследования. 2001. № 1. С. 157–167; Гуторов В. А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43; Гигаури Д. И., Гуторов В. А. Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 2. С. 24–45; Ширинянц А. А. Миф о прогрессе в контексте выбора пути России // SCHOLA-2021. Сборник научных статей факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2021. С. 259–275.

³ См.: Gould L. A., Pate M. *State Fragility Around the World: Fractured Justice and Fierce Reprisal*. Boca Raton, 2016. p. 1 sq.; ср.: Peskin V. A. *International Justice in Rwanda and the Balkans: Virtual Trials and the Struggle for State Cooperation*. Cambridge, 2008; *Legacies of State Violence and Transitional Justice in Latin America: A Janus-Faced Paradigm?* Ed. by Nina Schneider, Marcia Esparza. Lanham; Boulder; New York; London, 2015. P. XII–XIV, 66. см. также: Гуторов В. А. Российский либерализм как исторический и политический феномен // Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / Светлов Р. В., Богатырев Д. К., Кожурин А. Я. и др. СПб., 2016. С. 155–204.

концов, может ли у нас быть реальная альтернатива государству? Если мы согласимся с утверждением Джона Стюарта Милля о том, что жизнь без ограничений поведения других людей будет стоить или совсем немного, или вообще ничего не стоить, а также поверим, что идея “принудительных ограничений” без государства — не более, чем благое пожелание, то любые дальнейшие аргументы относительно оправдания последнего покажутся праздными. Сам факт, что у нас нет в распоряжении реальной альтернативы государству, играет роль негативного оправдывающего обстоятельства: мы не можем придумать ничего лучшего. Однако на этом философская дискуссия не заканчивается»¹.

На рубеже XX–XXI вв. теоретические подходы к концепции и самому понятию «справедливость» подверглись существенному пересмотру. В наши дни социальная справедливость как политический лозунг становится все более универсальным требованием, предъявляемым общественными движениями, политическими партиями и группами к способу организации и функционирования социума. Это требование является более или менее естественным развитием либерального гражданского права. Для того чтобы гражданские права, за которые упорно боролись идеологи Просвещения, такие как право на свободу мнений, свободу ассоциаций, свободу религии и свободное развитие личности, могли стать действенными в реальных социальных условиях, требуется нечто большее, чем юридические гарантии этих прав. Требуется также юридическая гарантия средств, которые могут быть использованы для реализации этих свобод. Эффективность гражданских свобод предполагает наличие *реальных* социальных прав, гарантирующих, что у каждого индивида есть хотя бы минимальные ресурсы, необходимые для конкретного использования прав, предоставленных *in abstracto*. Дальнейшая трансформация гражданских свобод в эффективные социальные права – всемирно-исторический процесс. Именно поэтому и далеко не случайно «социальная справедливость» стала одним из наиболее часто используемых политических лозунгов, наряду со «свободой» и «равенством». В современных масс-медиа постоянно продуцируются «подозрения» и скептические утверждения, суть которых состоит в том, что справедливость, равно как и другие, обозначенные выше понятия, является «пустым звуком», который можно наполнить любым содержанием для реализации своекорыстных интересов. Странники такого подхода обычно утверждают, что в настоящее время невозможно сформулировать «авторитетное» определение социальной справедливости. Любое из определений не может считаться авторитетным и «общеобязательным» и едва ли существуют какие-либо основания рассматривать различные виды социального неравенства – особенно если они затрагивают кого-нибудь лично – как «социально несправедливые» или «дискриминационные».

Считается, что именно Джону Ролзу – одному из наиболее выдающихся социальных философов двадцатого века, удалось частично смягчить произвольный характер обозначенных выше негативных интерпретаций. Его главная работа «Теория справедливости»² представляет собой попытку развить основное содержание идеи социальной справедливости, как она понимается в современных индустриальных обществах, и интегрировать ее в единую и всеобъемлющую концепцию справедливого общества. Тем не менее философы до сих пор спорят, насколько ему удалось это сделать и насколько его теория синтезировала разнород-

¹ Wolff J. An Introduction to Political Philosophy. Oxford; New York, 1996. P. 34; ср.: Wolff J. Robert Nozick: Property, Justice and the Minimal State. Cambridge, 2013. P. 126-133; Boylan M. A Just Society. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford, 2004. P. 11-14, 79-87; см. также: Гуроров В. А., Варламов А. Г. К вопросу о значении британской правовой традиции в политическом дискурсе США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. Вып. 1. С. 80-91; Гуроров В. А. Традиция британской конституции в современном политико-философском дискурсе: некоторые теоретические проблемы // Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / Светлов Р. В., Богатырев Д. К., Кожурин А. Я. и др. СПб., 2016. С. 291-307; Ширинянц А. А. Вигский метанарратив как модус утверждения либеральной доктрины // SCHOLA-2020: Сборник научных статей факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2020. С. 464–467.

² Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA, 1971.

ные элементы, входящие в понятие социальной справедливости. Как бы там ни было, концепция Ролза в силу своего интегративного характера обычно рассматривается как наиболее подходящая «отправная точка», когда речь идет о вопросах, связанных с определением места справедливости в структуре институтов, обеспечивающих национальную безопасность.

Основная идея Ролза об интеграции классически-либерального и социального содержания современной концепции социальной справедливости состоит в градуированной иерархии принципов, связанных с разделением сфер: ядро классических либеральных прав, которое он называет «основными свободами», должно безоговорочно иметь приоритет над остальными принципами и одновременно применяться строго универсально. Вытекающие из них притязания должны обладать возможностью стать принадлежностью любого члена общества, независимо от заработка, происхождения и других личных характеристик. Согласно Ролзу, вопреки классикам либеральной мысли и вдобавок к классическим конституционным правам, таким как свобода вероисповедания и свобода ассоциаций, – эти «основные свободы» или «основные блага» также включают самоуважение, по крайней мере, в той мере, в какой эта возможность уважать себя зависит от социальных факторов. В то время как на первом уровне преобладает строгое равенство, на втором преобладают равные возможности: у всех должны быть равные возможности занимать государственные должности. В какой степени он или она на самом деле берут их на себя, зависит от дополнительных – неравномерно распределяемых – факторов, таких как пригодность и способности. Социальная справедливость даже на этом уровне не совпадает с равными результатами. На самом деле различные общественные функции связаны с разными правами и обязанностями и разными властными полномочиями. Социальная справедливость, по Ролзу, требует лишь того, чтобы возможность претендовать на эти должности существовала одинаково для всех. И только на третьем уровне, как считает Ролз, вступают в игру различные аспекты *распределительной справедливости* – с одной стороны, в сфере доходов, а с другой – в сфере других форм естественного неравенства или тех, которые вытекают из социального происхождения. Распределение доходов должно считаться социально справедливым только в той мере, в какой существующее неравенство в соответствующем обществе необходимо для того, чтобы в долгосрочной перспективе улучшить положение людей с самым низким доходом. Согласно Ролзу, социальная справедливость также требует компенсации всех неравных жизненных перспектив, обусловленных природными и социальными факторами, в той мере, в какой они не входят в сферу ответственности человека. Виды неравенства, связанные с образованием и социальным происхождением, имеющие решающее значение для жизненных возможностей личности, должны компенсироваться – в пределах эффективности общества в целом – настолько это возможно. В целом, концепция Ролза – без учета оспариваемого «принципа различия» – представляется подходящей основой для того, что можно рассматривать как справедливость в области социального обеспечения: 1. Нормы, повсеместно и строго распространяющиеся на систему социального обеспечения, – это прежде всего нормы защиты свободы, обеспечения минимального уровня жизни, выражающегося в социальном прожиточном минимуме, и обеспечения социальных основ для самоуважения. 2. Второй уровень социальной справедливости у Ролза соответствует принципу равного доступа к социальному обеспечению вне зависимости от финансовых возможностей, социального положения и размеров власти. На этом уровне речь идет уже не о строгом равенстве, а о социальном равенстве возможностей. 3. Если социальная справедливость предполагает равенство прав на первом и втором уровне, то на третьем уровне она предполагает дифференциацию обоснованных требований в зависимости от соответствующей исходной ситуации. Как и на втором уровне, она основана на принципе солидарности. Но помимо равных возможностей, это требует поддержки тех, кто особенно испытывает нужду вследствие естественных и социальных неблагоприятных условий¹.

¹ См: Reading Rawls: Critical Studies on Rawls' A Theory of Justice. Ed. by Norman Daniels. New York, 1975; Understanding Rawls: A Reconstruction and Critique of A Theory of Justice. Princeton, New Jersey, 1977; Lovett F. Rawls's A Theory of Justice: A Reader's Guide. London; New York: Continuum, 2011; Galisanka A. John Rawls: The Path to a Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts; London, 2019 и др.

Анализ многообразных современных политических теорий свидетельствует о том, что диада «справедливость/государство» составляет онтологическое ядро политико-философского дискурса, в структуре которого идеи марксизма играют далеко не последнюю роль. Эта диада отнюдь не нивелирует противоречия между политическими идеологиями. Но она постоянно «уравнивает» их в дискурсивном поле, тем самым актуализируя, казалось бы, давно забытые идеи и тексты, выявляя их новые глубинные аспекты и смыслы. «Существуют вопросы, – подчеркивает британский политический теоретик Лео Маккарти, – в отношении которых действительно возникает необходимость глобального осмысления справедливости. Наиболее рельефным из них является упорная живучесть массовой нищеты и голода. Требования справедливости, к которым это приводит, представляют собой нечто большее, чем простая совокупность индивидуальных притязаний на справедливость, поскольку эти проблемы в подавляющем большинстве затрагивают отдельные народы и регионы и нередко очевидно превышают возможности правительств их решать. Глобальную бедность можно понять и решить только в рамках концепции “мирового интереса”. Проблемы глобальной распределительной справедливости, безусловно, бросают вызов экономическому суверенитету государства, но это не означает, что государство как элемент распределительной справедливости становится неуместным... Ведь при отсутствии государства как авторитетного распределительного механизма примирение конфликтующих интересов может оказаться еще более проблематичным... Функционалистский взгляд на человеческие потребности как на лишённые противоречий по своей сути и, следовательно, стоящие “над политикой” ни в коем случае не является очевидным. Природа потребностей всегда была источником непрекращающихся споров. В утопическом коммунизме Маркса лозунг “от каждого по способностям, каждому по потребностям” должен был стать каноническим критерием распределения. Но Маркс проводил различие между удовлетворением материальных потребностей путем борьбы человека с природой, которая, как утверждалось, является движущей силой всей истории, и ростом все более искусственных желаний и прихотей, маскирующихся под потребности. Последнюю тенденцию развития он замечательно ярко высмеивал как “товарный фетишизм”»¹.

Приведенные выше примеры философских дискуссий о государстве и справедливости, на наш взгляд, являются свидетельством общей тенденции, суть которой состоит в непрерывной актуализации дискурсов справедливости и социального государства. Анализ этих дискуссий, которые в настоящее время интенсивно разворачиваются как в странах Западной Европы и США, так и в России, а также в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, является той непосредственной целью, которую поставили перед собой участники проекта.

Денильханов Асланбек Хаважович

к. полит. н., доцент кафедры философии политики и права философского факультета,
доцент Высшей школы бизнеса

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва)

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Как известно, в классическом либерализме права и свободы отдельного человека лежат в основе правовых определений государственно-экономического порядка. Общество

¹ McCarthy L. Justice, the State and International Relations. New York, 1998. P. 104-105.

строится на утверждении гражданских прав и свобод, на страже которых стоят либеральные партии¹.

Для русского же либерализма на протяжении всего XIX века характерно сложное, а подчас и противоречивое понимание свободы личности и проблемы соотношения личности и государства². Русские либеральные мыслители трудились над осмыслением особой парадигмы развития, которая могла бы сочетать творческие возможности свободного экономического и личностного развития и строгие рамки государственной защиты общенациональных интересов. Собственно, еще во второй половине XIX века отечественные мыслители поставили проблему, которая обрела столь зримую актуальность в начале XXI в.

Человек в исследуемый период воспринимался как суверенная личность и одновременно как подчиненная часть общественно-государственного пространства. Именно эти вопросы были в центре внимания ведущих теоретиков и общественных деятелей второй половины XIX в. Всех их объединяло стремление рассмотреть человека в его суверенно личностной полноте, вписанного в органичное единство большого социально культурного круга, одним из определений которого было государство. И потому именно проблемы справедливого государства были основными в философском дискурсе этого времени. При этом решение правовой дихотомии «государство и личность» лежало в политико-социологической парадигме «охранительного» или консервативного либерализма. Свобода личности должна была обеспечиваться в рамках патерналистского, самодержавного государства.

Видные юристы и либеральные мыслители, профессионально работая в области государственного права, раздвигали свое понимание права до широких философско-нравственных границ. Даже такой известный русский философ и религиозный мыслитель, как В. С. Соловьев, в своем философском творчестве сделал поворот от мистицизма к либерализму и философии права. Он одним из первых в Европе сформулировал идею «права на достойное существование», дав ей юридическое обоснование в контексте своего понимания права как «минимума нравственности». Эта идея открывала новую эпоху в развитии либерализма в России и легла в основу концепций «нового либерализма» П. И. Новгородцева, Л. И. Петражицкого, И. А. Покровского, а позднее Б. А. Кистяковского и С. И. Гессена.

Формирование нового либерального дискурса было осуществлено в ходе полемики между Б. Н. Чичериным и В. С. Соловьевым в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1887 г. по поводу книги Соловьева «Оправдание добра». «Уже современникам этой дискуссии было ясно, что спор Соловьева с Чичериным был спором между двумя эпохами в понимании справедливости – между классическим либеральным понятием “формальной справедливости”, т.е. равенства прав, и современной “социал-либеральной” концепцией, включающей также и равенство материальных условий реализации основных прав личности. При этом общим источником концепций обоих философов является идущее от Просвещения и кантовского идеализма понимание справедливости как представления о равенстве, основанное на достоинстве разумной человеческой природы»³.

Поскольку для русской либеральной интеллектуальной традиции этого периода главной проблемой был поиск идеального соотношения свободы (личность) и повиновения

¹ См.: Гуторов В. А., Ширинянц А. А. О новом «историческом прочтении» либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398–406.

² См.: Гуторов В. А. Российский либерализм как исторический и политический феномен // Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография / Светлов Р. В., Богатырев Д. К., Кожурин А. Я. и др. СПб., 2016. С. 155–204.

³ Плотников Н. Право на достойное существование. К истории дискурса справедливости в русской мысли // Логос, 2007. № 5(62). С. 114. См. также: Денильханов А. Х. Право на достойное существование (Политическая философия П. И. Новгородцева). М., 2009; Денильханов А. Х. Своеобразие формирования и развития либеральных идей в России в XVII–XIX вв. // Власть, 2016. № 1. С. 100; Ширинянц А. А. Либерализм в истории политики и мысли России второй половины XIX – начала XX вв. // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX в.: Новгородцев П. И. М., 2012. С. 266–277.

(государство), то естественно было во главу угла поставить философию права. Стремление найти ядро коренных отношений человека и общества в форме государства заставляло либеральных мыслителей рассматривать эту связку в философском ракурсе. И этот подход принес значительные успехи. За короткий период русский правовед, один из основоположников конституционного права России Б. Н. Чичерин создал фундаментальные труды по философии политики, заложившие основы политологии в России, такие как «История политических учений», «Курс государственной науки», «О народном представительстве», «Философия права»¹. Эти работы Б. Н. Чичерин писал под влиянием концепции естественного права, которое и лежит в основе либеральных свобод, изначально присущих человеку. Здесь важно учесть, что теория естественного права в XIX веке развивалась под влиянием гегелевского понимания правовой объективности, и философские взгляды Б. Н. Чичерина были также сформированы в русле немецкой классической философии, в первую очередь трудов Г. В. Ф. Гегеля.

Аспект соотношения исторически конкретной личности и отвлеченного идеала многосторонне дискутировался в либеральной философской мысли рубежа XIX–XX вв. Вопрос ставился так: личность самоценна или оказывается звеном в бесконечной цепочке, уходящей в светлое будущее? Согласно учению Г. В. Ф. Гегеля, «личность содержит вообще правоспособность и составляет понятие и саму абстрактную основу абстрактного и потому формального права. Отсюда веление права гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц»².

Российский либерализм был ориентирован на выработку нравственной идеологии, в центре которой стояла бы свободная личность. Отсюда – отмечаемое на всех исторических этапах стремление к максимально глубоким обобщениям философского, а порой онтологического уровня и склонность к идеальным схемам, построению совершенного общества. При этом в дискуссиях с марксизмом, строившем свою картину мира на экономических отношениях, теоретики либерализма в России, оставаясь на материалистической, позднее позитивистской платформе, видели возможности творческого, в том числе и экономического, освобождения личности на пути естественного ненасильственного развития правового государства. Они хотели видеть мир, в котором правит справедливость, мир долженствования и взаимных интересов. Верили, что прогресс непременно приведет к победе разума. Эта позиция может быть определена как социальный романтизм.

Русский либерализм как часть культуры на протяжении всего XIX в. решал сложное, а подчас и противоречивое, понимание свободы личности и долга, аксиологической иерархии смыслов, проблемы соотношения личности, общества и государства. Решались проблемы существования человека как суверенной личности и одновременно как подчиненной части общественно-государственного пространства. И потому именно проблемы государства были основными в философском дискурсе этого времени. Тем не менее либеральные мыслители не выработали последовательной теоретической базы, на которой бы строились модели развития всего культурно-экономического комплекса государственного организма: либеральные идеи либо формировались вокруг определенного исторического проекта, связанного с антисамодержавными целями, либо расцветали в русском общественном и культурном сознании как нравственный идеал общественного устройства.

¹ Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 1869–1902; Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894–1898; Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866; Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 98.

Зайцев Николай Андреевич
студент факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва)

КОНЦЕПТ «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П.А. СОРОКИНА

Конституция РФ провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Но, безусловно, подобное определение пока еще в большей мере остается декларативным, чем реальным. Многие социальные проблемы в нашей стране еще не решены, что связано с незавершенностью процесса институционализации экономической, политической, правовой, социальной сфер. Для современной России еще не решена проблема самоидентификации в выборе модели социального государства, не в полной мере сформулирована доктрина организации социальной сферы, наработки по подготовке концепции социального государства носят, скорее, поисковый характер¹. Подобная тенденция характерна для большинства постсоветских государств, что делает тему работы достаточно актуальной. Категория социального государства является предметом активных научных дебатов. Целостной модели социального государства (все чаще употребляется термин социальная модель) до сих пор не сложилось. Именно поэтому необходимо обращение к творческому наследию крупнейших мыслителей – социологов, занимавшихся изучением данного вопроса.

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) в настоящее время считается одним из классиков социологической мысли, идеи которого остаются актуальными и подвергаются в настоящее время всестороннему анализу и изучению². Одна из главных его работ – «Социология революции», опубликованная в США в 1925 г., стала попыткой (возможно, одной из первых) создания на основе осмысления событий в России собственной теории революции. Социологию революции П. А. Сорокин рассматривал в первую очередь как практическую, прикладную дисциплину, предметом изучения которой является революция.

Сорокин выступает категорическим противником революций, подчеркивая, что «ни одна из них не может похвастаться тем, что улучшила и повысила производительность страны, повысила уровень жизни трудовых классов, прочно укрепила имущественное равенство, уменьшила эксплуатацию, покончила с безработицей и институтом частной собственности»³. Он предупреждает: «Кто хочет вымирания своего народа, падения рождаемости, ухудшения расового фонда своей нации, гибели его лучших элементов, дегенерации выживших, чумы, холеры, тифа, сифилиса, душевных расстройств, словом, кто хочет способствовать дегенерации своей нации, тот может и должен готовить насильственную революцию, углублять и расширять ее. Такой способ — один из лучших для достижения указанных эффектов. Кто их не хочет, тот может стоять лишь на пути реформ, а не кровавых революций»⁴. По его мнению, «худой порядок всегда лучше беспорядка, как «худой мир лучше доброй ссоры»⁵; он полагает, что помимо революционных путей и экспериментов существуют иные пути улучшения социальных условий и проведения смелых реформ, при условии, что эти реформы не будут «насилловать человеческую природу и противоречить основным ее инстинктам», будут считаться с реальными условиями и основываться на предварительном внимательном изучении положения дел и конкретных условий, будут

¹ См.: Ушакова Э. Т., Фролова Е. А. Социальное государство: теоретическая концепция и особенности ее практической реализации // Вестник Томского государственного университета. Серия Экономика. 2011. № 1. С. 31–40.

² См.: Ширинянц А. А. Сорокин П. А. // Федерализм. Энциклопедия. М., 2000. С. 502–504.

³ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С. 282.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Там же. С. 35.

испробованы «в малом масштабе» и будут проводиться только легальными и конституционными методами, «элемент насилия должен в них отсутствовать или допустим в совершенно ничтожном размере»¹.

Для П. А. Сорокина движение человечества вперед возможно в условиях реализации цивилизационных идей о социальном и правовом государстве, требующих создания программы общественного развития и четкого выражения цели этого развития в конституирующих общество законах. Только на этом пути достижима реализация государственного интереса в целях защиты личности на основе привлечения всего общества к участию в управлении и законодательстве. Правовое государство должно обеспечивать уравнивающее развитие различных социальных объединений, так как основная цель правового государства – общенародная польза.

Идея социальной солидарности общества в государстве во взглядах П. А. Сорокина находит выражение в правах отдельной личности, соответствующих общему интересу, который представляет собой основу правопорядка. Личные интересы участвуют в образовании общественного и правового порядка, но их сохранение в реальности обеспечивается законами. Значение государства в обеспечении равновесия личных интересов и общественных отношений не уменьшается, а возрастает. При этом сближение власти и общества возможно лишь на твердых основаниях права, на создании системы конституционализма, основное положение которого заключается в равновесии прав и обязанностей².

В настоящее время существуют различные подходы к пониманию того, что такое социальное государство. Содержание понятия социального государства можно обозначить следующим образом: социальное государство является определенным шагом в развитии социальных функций органов власти, в рамках которого произошла институционализация и легитимизация государственных социальных обязательств, а органами власти прилагаются все необходимые усилия для претворения в жизнь установленных норм, т.е. проводится социальная политика, способствующая росту благосостояния населения.

И. Б. Орлов обращает внимание на философскую основу социального государства, в качестве которой он видит социальный гуманизм, позволяющий формировать правовое демократическое государство. В свою очередь, политика этого государства должна быть направлена на то, чтобы создать условия и механизмы обеспечения своим гражданам достойного уровня жизни, действенной социальной защиты, на снижение социальных рисков, а также создание условий для самореализации творческого (трудового) потенциала личности. Важным качеством является также социальный гуманизм, который предстает как целенаправленный, организованный и результативный характер государственной политики в осуществлении целей человеческого развития для всего населения страны³. В этом определении в большей степени подчеркиваются практические аспекты осуществления социально значимых норм в государственной политике, что представляет собой меру социально ответственного поведения.

П. А. Сорокин, не используя термин «социальное государство», тем не менее, рисует такое социальное устройство, которое в полной мере соответствует данному подходу. Он считает, что социальная среда должна максимально благоприятствовать проявлению и развитию способностей и форм поведения каждого члена, полезных для целого, и максимально тормозила бы проявление и рост актов социально вредных. Необходимо обеспечить возможность полного развития индивидуальности каждого человека, а также социального использования каждой личности именно в той области, к которой она наиболее пригодна по своим наследственным свойствам. Иными словами, не должно быть тормозов, препятству-

¹ Там же.

² См.: Ментюкова М. А. Государственно-правовые воззрения Питирима Александровича Сорокина: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. СПб., 2010. С. 6.

³ См.: Орлов И. Б. Социальный гуманизм: теория и общественно-государственная практика // Россия: путь к социальному государству: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.). М., 2008. С. 69.

ющих этому развитию, но необходимы стимулы, которые побуждали бы индивида с первых лет его жизни к активному проявлению своей индивидуальности. Для молодого поколения, вступающего в жизнь, должен быть предоставлен простор для выявления своих способностей и средства (материальные и духовные), которые снабжали бы его орудиями для творчества и социально полезной деятельности. На практике, по мнению П. А. Сорокина, это должно заключаться, с одной стороны, в минимальной опеке и вмешательстве властей в жизнь населения и в максимально возможном обеспечении населения и особенно молодого поколения знаниями, полезными навыками и материальными условиями (хлеб, пища, одежда, жилище), что позволило бы людям полностью проявить свои способности¹.

Вместе с тем П. А. Сорокин категорически против уравнилельных мер, пропагандировавшихся многими социалистами и коммунистами. В уравнилельных мерах он видит «систему привилегий за леность и премий за бесталанность, с одной стороны, и систему штрафов за энергичный труд и наказаний за предприимчивость, с другой. Раз все получают одинаковую долю благ, то ленивый, имея гарантию на получение своей доли, становится еще более ленивым; трудолюбивые и предприимчивые, лишены возможности извлечь хоть какую-то выгоду из своего труда и инициативы, неизбежно перестают тратить лишнюю энергию и работать в пользу лентяев. Происходит уравнение всей страны под труд последнего лентяя. Производство падает, приходит нищета»².

Вместо этого необходимо «ежечасно и непрерывно» стимулировать максимальное проявление воли, энергии, труда, знаний, способностей (кроме антисоциальных) каждой личности, начиная с первых лет ее жизни. Только человек, который с малых лет приучен к самостоятельности, будет энергичным и инициативным в зрелости. Только тогда, когда большинство членов общества будет таким, в нем будет действительное самоуправление, действительная «свобода», действительная интенсивная духовная, политическая и экономическая жизнь. Вне таких условий — все это невозможно.

Тип общества, который возникает при соблюдении подобных условий, П. А. Сорокин называет автономно-самоуправляющимся, или демократическим. В таком обществе поведение и взаимоотношения между членами общества регулируются ими самими, объем их автономии и свободы — огромен, тогда как объем вмешательства и регулирующих функций власти — минимален. Правительство ничего принудительно не предписывает члена общества: «индивид сам выбирает религию, воззрения, идеологию и профессию; не власть, а сам индивид решает, нужно ли ему жениться или нет, какие экономические соглашения заключить, что производить, как и сколько, как одеваться, что есть и пить, что читать, где жить и т. д.»³. В таком обществе рядом небольшой правительственной «динамо-машиной», в каждом индивиде имеется как бы особая «динамо-машина», приводящая его в движение и регулирующая его поведение.

В обеспечении максимального простора для полного раскрытия личности, личного почина, личного интереса (кроме антисоциальных наклонностей) во всех областях поведения в экономической и духовной жизни П. А. Сорокин видит условия возрождения и процветания России.

Подобный подход соответствует современным представлениям о социальных принципах государства, находящих выражение в том, какую оно реализует социальную политику, которая, в свою очередь, тесно связана с экономической политикой и представляет собой часть общей государственной политики, регулирующей отношения, связанные с благосостоянием граждан, удовлетворением их не только материальных, но и духовных потребностей, с обеспечением каждому индивиду достойных условий жизнедеятельности. Социальное государство в современных условиях обязательно предполагает наличие, с одной стороны, сильного государства, которое способно нести ответственность за развитие человеческих ресурсов, а, с другой, наличие развитых институтов гражданского общества, которые способны поставить государство под свой контроль.

¹ Сорокин П. А. Социология революции. М., 2005. С.432.

² Там же.

³ Там же. С. 433.

Коваленко Валерий Иванович
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой российской политики факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва);
главный научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва).

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Хотя понятие «социальное государство» в научный оборот впервые было введено на Западе в середине XIX века немецким юристом, государствоведом и экономистом Лоренцем фон Штейном, закрепляясь при Бисмарке в политической практике через реализацию концепции прусско-немецкого социального королевства, а позже – в возведении его до уровня конституционного принципа и в других развитых странах, идеи о том, что мы называем сегодня социальными функциями государства, в России утверждали себя с самых ранних этапов ее государственности и оставались стержневыми на всем протяжении ее истории. Уже в «Поучении Владимира Мономаха» эти мотивы звучали со всей определенностью: «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу... Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»»². Н. М. Карамзин в своей работе «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», с ее знаменитым «Самодержавие есть палладиум России», в числе важнейших обязанностей государя определял заботу о благоденствии своих подданных. Естественно, что в еще более резкой тональности эта идея обозначала себя в манифестах и программных установках оппозиционных сил и движений.

Социальная сторона жизни, искание социальной правды, вопросы социального обустройства в России традиционно имели более важное звучание, чем поиски приемлемых политических форм. В движении народных низов, включая крестьянские войны, в центре системы требований неизменно оказывались задачи социального, но не политического переворота. Последние имели лишь акцидентальное, но не субстанциональное значение. Можно вспомнить названия некоторых народнических и неонароднических организаций – «Земля и воля», «Черный передел». И «Ад» – как готовность идти на самые крайние меры для решения задач воплощения социальной справедливости, как они понимались их руководителями и членами. Рискнем предположить, что и победа большевиков в кровавой гражданской войне (помимо прочего) в значительной степени была обеспечена именно тем, что Октябрьский переворот, согласно их материнской доктрине – марксизму, рассматривался в первую очередь именно как социальная революция. Лозунги «Фабрики – рабочим!», «Земля – крестьянам!» в массах воспринимались с несравненно большим воодушевлением, нежели «Вся власть Учредительному собранию» и ему подобным. Политическая элита, приходящая к власти в переходные времена, стремительно теряла доверие населения, если за фасадом демократических преобразований не стояло решение назревших социальных задач, Показательна в этом смысле судьба правительства А. Ф. Керенского и команды М. С. Горбачева. Государство в России неизменно и всегда воспринималось в системе его социальных функций и задач.

Социокультурные параметры России, соединяемые с вызовами современного общества, обуславливают необходимость движения страны в ярко выраженных параметрах социального государства. Статья 7 Российской Конституции 1993 г. гласит: «Российская Феде-

¹ Работа «Концепт социального государства в контексте отечественной политической традиции» подготовлена в рамках темы «Конкурентные модели нового мирового порядка: вызовы и ответы» (№ 123091200056-1) ЭИСИ / при поддержке Минобрнауки в ИНИОН РАН.

² Поучение Владимира Мономаха // Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 151.

рация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Государство сегодня осуществляет масштабные меры по поддержке семьи, материнства, инвалидов, усиливает внимание к вопросам здравоохранения и образования, трудоустройства и т.п., не снижая внимания к этим проблемам даже в условиях беспрецедентных санкций и противостояния коллективному Западу в ходе Специальной военной операции на Украине. Это особенно важно подчеркнуть и в связи с тем, что в рамках евроатлантической либеральной парадигмы все более частыми становятся утверждения о том, что концепт социального государства вступает во все большее противоречие с требованиями экономической эффективности, подпитывает настроения социального иждивенчества, «подданическую культуру» и противоречит принципам либерализма в целом.

Все это, а, главное, утверждение рыночных отношений в стране, заставляет еще раз присмотреться к роли и назначению социальных функций государства, содержанию и качеству анализируемого нами концепта. Несомненным представляется одно: максимальное наращивание усилий по поддержке незащищенных групп населения, отстаивания традиционных семейных ценностей, реализация сильной демографической политики, создание надежной системы социальной защиты и т.п. Вместе с тем, все более насущными становится осуществление не отраженных в Конституции Российской Федерации, но не становящихся от этого менее важными, задач, связанных с воплощением в обществе социальной справедливости (конституирующего основания всей ментальности россиян) – преодоления неоправданно высокой социальной дифференциации, недопущения резкого имущественного расслоения в обществе, создания равных стартовых возможностей для всех граждан и утверждения системы действенных социальных лифтов. Необходимо придать новое звучание понятию социальной демократии, предполагающей рост участия граждан в различных социальных начинаниях, в различных формах управления производством и др., что несомненно, будут способствовать общему росту политической культуры населения, превращению индивидов в действенных субъектов политического процесса.

Как принципиальный момент представляется особо важным выделить и следующее обстоятельство. Еще в рамках постиндустриализма стал активно утверждаться тезис о том, что если в XIX веке главными агентами производства выступали капитал и труд, то с вступлением мира в новую стадию таковыми начали становиться наука, образование и даже воспитание. Социологи Московского университета на примере многочисленных исторических катаклизмов Нового и Новейшего времени просчитали, что если в результате войны или природной катастрофы в какой-либо стране был практически полностью разрушен экономический потенциал, но сохранялись научные и образовательные структуры и кадры, то эта страна поднималась из разрухи вчетверо быстрее, чем это было бы при другой ситуации. Другими словами, эти стороны социальной политики уже не могут и не должны рассматриваться, пусть необходимой, но затратной ее составляющей (пренебрежительное слово «социалка» вообще должно быть изжито в нашем лексиконе), но расцениваться как действенный фактор повышения конкурентоспособности страны, выхода ее на новые достойные рубежи.

Лагузова Мария Андреевна

аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
младший научный сотрудник
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)

«ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ¹

Вторая половина XX века отмечена поразительными перепадами общественного сознания. Победа над фашизмом, вызвавшая всеобщую эйфорию, породила надежду на окончание идеологической и политической конфронтации коммунизма и социализма. Но с началом «холодной войны» эсхатологические ожидания довольно быстро трансформировались в уже давно ставшие традиционными шпенглеровские предчувствия «заката Европы» и всей западной цивилизации.

Характер, тональность, векторная направленность и временная последовательность интеллектуальных трансформаций такого рода постоянно варьировались и нередко определялись чисто индивидуальными изменениями настроений и предпочтений того или иного теоретика. Например, П. А. Сорокин, который в 1941 г. утверждал в работе «Кризис нашей эпохи», что «процветание и благосостояние становятся во многих странах только достоянием памяти, свобода – только мифом; западная культура покрывается мраком» и «гигантский торнадо пронесется над всем человечеством», окончательно сметая всякие надежды на «однолинейный прогресс»², уже в 1944 г. накануне победы над фашизмом во Второй мировой войне выдвинул в книге «Россия и Соединенные Штаты» крайне оптимистичный прогноз, в соответствии с которым «американский капитализм и русский коммунизм в настоящее время являются не более чем призраками своего недавнего прошлого», постепенно превращаясь в «общество интегрального типа»³.

Подобные экстатические квази-религиозные моменты анализа глобальных тенденций современности в социологической литературе того времени, конечно, не были случайными. Как справедливо отмечал Стив Фуллер, «главное устремление социологии – и социальных наук в целом – состояло в том, чтобы всецело способствовать реализации обещания Просвещения XVIII века “создать рай на земле”». В чисто научном плане это устремление выражалось «в систематической секуляризации и обнаучивании (scientization) монотеизма, способствовавших усилению привилегированного положения человеческих существ, сотворенных по образу и подобию Бога»⁴. Такому пониманию социальными науками на Западе собственной миссии (в предельно идеологизированных общественных науках в советской России, а в послевоенный период и в странах «народной демократии», коммунистическая утопия «земного рая» была исходной точкой практически любого теоретизирования⁵) помогало и то обстоятельство, что после Второй

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² Sorokin P.A. *The Crisis of Our Age*. Oxford, 1992. P. 14-15.

³ См.: Sorokin P. *Russia and the United States*. New York, 2017.

⁴ Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London; Thousand Oaks; New Dehli, 2006. P. 1.

⁵ См. подробнее: Гигаури Д. И., Гуторов В. А. Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 2. С. 24–45; Гуторов В. А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43; Васич В. Н., Ширинянц А. А. Политика. Культура. Время. Мифы. М.: Диалог МГУ, 1999; Ширинянц А. А. Миф о прогрессе в контексте выбора пути России // SCHOLA-2021. Сборник научных статей факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2021. С. 259–275; Царегородцев С. С., Ширинянц А. А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59). С. 64-78.

мировой войны возникает тенденция к формированию структур «государства всеобщего благоденствия», которая способствовала «установлению равновесия между капиталистическими и социалистическими эксцессами даже среди таких наций как Великобритания и США, отличавшихся сильными либертарианскими традициями»¹.

Как непосредственное следствие этих процессов постепенно возникало убеждение относительно того, что между идеологиями социалистического типа и идеологическими направлениями, ориентированными на поддержку традиционных капиталистических структур, не существует непроходимой пропасти. Именно это убеждение стало одной из основ концепции «деидеологизации». О прочности такого рода взглядов, уходящих корнями в традицию либеральной политической философии Д. С. Милля, свидетельствует и тот факт, что даже после того, как в американской политике с конца 1970-х гг. верх уже взяла неоконсервативная тенденция, один из ее главных выразителей – М. Новак (ставший сотрудником госдепартамента в администрации Р. Рейгана) вполне сочувственно комментировал выводы М. Харрингтона (политического теоретика-социалиста, автора самого термина «неоконсерватизм»), согласно которым «многие из духовных реальностей, претендовавшие на то, чтобы носить имя “социализм”, были реализованы под другим именем, именем “Америка”»². В книге «Сумерки капитализма» М. Харрингтон, в частности, очень рельефно выделил одну из наиболее характерных особенностей восприятия самой идеи капитализма теоретиками послевоенного времени: «... Капитализм, – отмечал он, – обладает исключительной приспособляемостью, он совместим с самым широкомасштабным, даже тоталитарным, планированием»³. В этом плане, теория «постиндустриального общества» Д. Белла, равно как и концепция «государства всеобщего благоденствия», являются, по мысли Харрингтона, «в сущности, обобщением кейнсианского опыта»⁴. Эту же идею «кейнсианского следа» в экономиках капиталистического и социалистического типа постоянно развивал в своих работах и Роберт Нисбет. «Замечательный комментарий к истории современного социализма, – отмечал он, – состоит в том, что почти все современные технологии, используемые в современном национальном планировании – будь то Англия, США или же Советская Россия – являются в основном продуктами капиталистических наций военного времени... Мы должны иметь государство, использующее планирование в той или иной степени. Альтернативой в экономической, военной и политической сферах общества, которые мы сформировали, будет просто хаос»⁵.

Нужно также отметить, что возникновение на рубеже 1950–1960-х гг. теории «деидеологизации» было во многом связано с особенностями полемики с наследием Маркса на основе переосмысления различных версий философии прогресса. Данная тенденция благополучно развивалась вплоть до начала 1990-х гг. Типичным примером этой тенденции является насквозь политизированная версия «академической эсхатологии», представленная в книге Ф. Фукуямы «Конец истории» (1992). Свою известную формулу – либеральная демократия может составлять «конечный пункт идеологической эволюции» и «финальную форму человеческого правления», тем самым обозначая «конец истории»⁶ – он противопоставлял фундаментальному «историческому пессимизму» XX века, одной из главных причин которого стал трагический опыт практической реализации марксист-

¹ Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London; Thousand Oaks; New Dehli, 2006. P. 3.

² Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism*. Lanham; New York: Madison Books, 1991. P. 139; ср.: Harrington M. *Socialism*. New York, 1972. P. 118.

³ Harrington M. *The Twilight of Capitalism*. London; Basing Stoke, 1977. P. 219.

⁴ Ibid.; см. также: Гуроров В. А. Российский консерватизм в историческом и культурном измерениях: опыт сравнительного анализа // *Идеологии и генезис ценностей современного общества: Коллективная монография* / Светлов Р. В., Богатырев Д. К., Кожурин А. Я. и др. СПб., 2016. С. 69–70; Куликов В. И., Ширинянц А. А. Консервативный дискурс в концептуальном пространстве современной политической науки // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2015. № 3. С. 13.

⁵ Nisbet R. A. *Tradition and Revolt. Historical and Sociological Essays*. New York, 1970. P. 68–69.

⁶ Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York; Toronto, 1992. P. XI.

ской теории¹. «Использовать идею “Истории” Маркса для того, чтобы оправдать террор в Советском Союзе, Китае и других коммунистических странах, – отмечает Фукуяма, – означает придавать этому слову особенно мрачное сопутствующее значение. Представление о том, что история является однонаправленной, имеющей значение, прогрессивной или даже поддающейся пониманию, оказалось чуждым для многих направлений мысли нашего времени»². Однако, по мнению многих современных философов и политических теоретиков, подобная аргументация, конечно, никак не могла быть решающим доводом в пользу идеи «конца истории», как полагал сам Фукуяма. Прогностическая аналитика Ф. Фукуямы и разгоревшаяся вокруг нее глобальная дискуссия стали лишним доказательством старого латинского афоризма – *nil novi sub luna* («ничего нового не рождается под луной»), поскольку в наиболее существенных чертах они лишь воспроизводили в обновленном виде обозначенные выше старые споры, связанные с теориями «деидеологизации» и «нового индустриального общества». Новизна модификаций определялась, прежде всего, тем, что, как отмечал С. Фуллер, «третья четверть XX века запомнится двумя тенденциями, которые оттеняли глубину выражения Элвина Гоулднера – “военизированное государство благоденствия”» (*welfare-warfarestate*): беспрецедентная экспансия возможностей для всеобщего разрушения в различных регионах мира, соответствующая беспрецедентному перераспределению политических и экономических ресурсов как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе. В терминах *Realpolitik* это две тенденции представляли собой альтернативные стратегии устрашения – угрозы и различные виды подкупа – в мире, в котором большие группы людей фундаментально не доверяли друг другу»³.

Тем не менее, очевидно, что утверждения о «конце истории» и завершении эпохи идеологий оказались преждевременными. Даже сторонник концепции «деидеологизации» Д. Белл в определенный момент признавал, что социальные противоречия в обществе так и не были устранены, поэтому идеологии имеют право на существование. Действительно, они продолжают играть важную роль в политической жизни как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом, а их насильственное устранение приводит к негативным последствиям, среди которых усиление разобщенности народа, трудности с осмыслением происходящего, заполнение «идеологического вакуума» воззрениями новых альтернативных, в том числе радикальных и даже экстремистских течений.

История показывает, что в условиях беспрецедентного ускорения мировых процессов, идейной конкуренции, появления все новых возможностей в связи с научно-технической революцией идеологии никуда не исчезнут. А их поиск в соответствии с динамично меняющейся реальностью будет характерной чертой современности.

¹ См.: Лагузова М. А. О предпосылках аналитики общественного согласия в контексте изучения феномена посткоммунизма // SCHOLA-2022. Сборник научных статей факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2022. С. 222–225.

² Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York; Toronto, 1992. P. 69.

³ Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London; Thousand Oaks; New Dehli, 2006. P. 3.

Пак Олег Александрович

аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва);
младший научный сотрудник
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ О ГОСУДАРСТВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ¹

Концепции глобализации далеко не случайно уже несколько десятилетий играют важную роль в современных дискуссиях о перспективах социальной политики справедливости в современном мире. Как справедливо отмечает Нанси Фрейзер в работе «Масштабы справедливости: переосмысливая политическое место в глобализирующемся мире»: «Глобализация меняет способ наших рассуждений о справедливости. Не так давно, в период расцвета социал-демократии, споры о справедливости предполагали то, что я называю “кейнсианско-вестфальским фреймом”». Предполагалось, что споры о справедливости, обычно разыгрываемые в современных территориальных государствах, касаются отношений между согражданами, подлежат обсуждению в национальном обществе и предусматривают возмещение ущерба со стороны национальных государств. Это верно для каждого из двух основных семейств требований справедливости — требований социально-экономического перераспределения и требований юридического или культурного признания. В то время, когда Бреттон-Вудская система международного контроля за капиталом облегчала кейнсианское управление экономикой на национальном уровне, требования о перераспределении обычно были сосредоточены на экономическом неравенстве внутри территориальных государств. Апеллируя к национальному общественному мнению за справедливой долей национального пирога, претенденты добивались вмешательства национальных государств в национальную экономику. Точно также в эпоху, все еще охваченную вестфальским политическим воображением, которое резко отличало “внутреннее” пространство от “международного”, претензии на признание в основном касались внутренних статусных иерархий. Взывая к национальной совести с просьбой положить конец институционализированному на национальном уровне неуважению, ревнители справедливости настаивали на том, чтобы национальные правительства запретили дискриминацию и приспособились к различиям между гражданами. В обоих случаях кейнсианско-вестфальская структура принималась как должное независимо от того, шла ли речь о перераспределении или признании, классовых различиях или статусной иерархии... Однако сегодня кейнсианско-вестфальский фрейм теряет свою ауру самоочевидности. Благодаря повышенному осознанию глобализации и геополитической нестабильности после холодной войны многие замечают, что социальные процессы, формирующие их жизнь, обычно выходят за территориальные границы. Они, например, видят, что решения, принимаемые в одном территориальном государстве, часто влияют на жизнь тех, кто находится за его пределами, равно как и действия транснациональных корпораций, международных валютных спекулянтов и крупных институциональных инвесторов»².

В области социальной политики глобализация затрагивает практически все ее сферы, но особенно драматическим стало ее воздействие на национальные системы образования. «Глобализация образования, – отмечает Дж. Спринг, – имеет отношение к мировым сетям,

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² Fraser N. Scales of Justice: Reimagining Political Place in a Globalizing World. New York, 2010. P. 12-13.

процессам и институтам, оказывающим влияние на образовательные и политические практики. Ключевым словом является “мировой масштаб”. События происходят на мировом уровне, воздействуя на национальные и местные школьные системы. Глобальная образовательная политика и практики представляют собой суперструктуру, возвышающуюся над национальными и местными школами. В этой суперструктуре на существует ничего статичного. Нации продолжают контролировать свои школьные системы, одновременно находясь под влиянием этой суперструктуры глобальных образовательных процессов. Сегодня многие народы предпочитают принять политику этой глобальной суперструктуры для того, чтобы быть конкурентоспособными в мировой экономике»¹.

Академические ученые, склонные безоговорочно принимать «глобальную повестку дня» и активно участвующие в создании объемных международных учебников, различного рода руководств, справочников и т.п., посвященных проблемам «глобального образования», как правило, рассматривают глобализацию как безальтернативный и «объективный» процесс и поэтому предпочитают ограничиваться умеренной критикой и представлять кризисные явления в экономической, политической и, разумеется, образовательной сферах как «неизбежные издержки», которые в дальнейшем при благоприятном развитии событий могут быть с лихвой перекрыты организационными преимуществами формирующейся новой всемирной экономической модели. Характерно, что в большинстве из них (даже в тех, которые связаны с разработкой темы критического мышления) теме кризиса традиционных демократических институтов внимание уделяется довольно редко².

Аргументация сторонников глобализации, как правило прозрачна, и чисто внешне подчас даже кажется убедительной: «Если глобализация неизбежна...» — отмечает С. Дж. Масвуд, — тогда остается выбор между двумя альтернативами. Несмотря на существование множества региональных амбиций, национальное государство остается притягательной силой. И действительно, многое указывает на рост националистических настроений. Глобализация разрушает свободу маневра для государств, но это происходит уже на стадии, предшествующей глобализации. Государства добровольно принимали ограничения свободы выбора в обмен на стабильные международные результаты и безопасность, достигаемую только через договорные отношения с другими государствами. Все договоры ограничивают меню, из которого государства могут выбирать. Но это вовсе не такая плохая вещь и все государства сегодня имеют договорные обязательства, ограничивающие их абсолютный суверенитет и рекомендующие им вести себя упорядоченным и, что самое главное, предсказуемым образом»³. Вместе с тем они также вынуждены признать правомерность широко распространенных опасений относительно того, что «глобализация ослабила демократические процессы на национальном уровне путем непредставительных способов управления, которые используют либо никем не выбранные глобальные технократы, представляющие различные многосторонние агентства, либо частные акторы, действующие в неформальном и политическом вакууме...». Анализируя эту политическую трилему, Дэни Родрик выдвинул предположение, согласно которому глобализация создает угрозу для нашей приверженности или национальному суверенитету, или демократии и он ожидал,

¹ Spring J. *Globalization of Education. An Introduction. Second Edition.* L.; N.Y. 2015. P. 1. Ср.: Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Идея университета как дискурсивный политический проект: опыт теоретической интерпретации // *История.* 2021. Том 12. Выпуск 4 (102). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840014296-4-1>

² См.: *The Palgrave Handbook of Critical Thinking in Higher Education.* Ed. by M. Davies, R. Barnett N.Y. 2015. P. 549, 562, 569.

³ Maswood S. J. *Revisiting Globalization and the Rise of Global Production Networks.* Cham, Switzerland. 2018. P. 155; Гуторов В. А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // *Вопросы философии.* 2017. № 12. С. 40; Гуторов В. А. *Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции* // *Полис. Политические исследования.* 2001. № 1. С. 160.

что, дойдя до определенного пункта, мы будем вынуждены выбирать между государством и демократией для того, чтобы пользоваться преимуществами глобализации»¹.

Речь, конечно, идет о практическом выборе, поскольку в области теоретического конструирования некоторые ученые уже давно преодолели обозначенный Родриком пункт и активно развивают свои идеи так называемой «космополитической демократии»². Бесконечные рассуждения о наступлении «пост-гражданских прав», наводнившие западную научную литературу и публицистику, постоянно провоцируют ступор мысли, порождая абстрактные риторические формулы относительно создания новой модели гражданского образования для «пост-нормативных» граждан, которая, естественно, плохо укладывается в традиционные теории гражданского общества и либеральной демократии³.

Теоретические дискуссии вокруг определения концепта «государства» и характера эволюции современных политических институтов, все без исключения лежат в основе современных концепций, авторы которых с различных методологических позиций исследуют пути эволюции моделей социального государства, сформировавшихся во второй половине XX в. Основная проблема, определяющая характер данных дискуссий, была очень рельефно сформулирована немецкими экономистами Бернхардтом Эббингхаузом и Филиппом Мановым. Суть ее заключается в том, чтобы «преодолеть существующий пробел в изучении многочисленных взаимосвязей между капиталистическим производством и социальной защитой. Мы считаем, что для лучшего понимания природы современных государств всеобщего благосостояния нам необходимо рассмотреть социальную защиту, обеспечиваемую системами социального обеспечения, практикой коллективных переговоров и режимами занятости. Наши знания о современных государствах всеобщего благосостояния и особенно об источниках их нынешних кризисов остаются ограниченными до тех пор, пока мы не пересмотрим экономический фундамент, на котором они стоят. Более того, продуктивная функция социальной защиты часто упускается из виду из-за акцента на перераспределение как на главную цель политики государства всеобщего благосостояния. Следовательно, мы также считаем, что для лучшего понимания современного капитализма мы должны принять во внимание важное воздействие государства всеобщего благосостояния на занятость, приобретение навыков, формирование заработной платы и инвестиций. Например, анализ текущих проблем немецкого государства всеобщего благосостояния был бы неполным без учета его экономической основы, равно как и оценка экономического кризиса Германии без учета последствий нынешнего государства всеобщего благосостояния»⁴.

¹ Maswood S. J. Revisiting Globalization and the Rise of Global Production Networks. Cham, Switzerland. 2018. P. 158.

² См.: Archibugi D. The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton, New Jersey. 2008.

³ См.: Strandbrink P. Civic Education and Liberal Democracy: Making Post-Normative Citizens in Normative Political Spaces. Cham, Switzerland. 2017.

⁴ Comparing Welfare Capitalism: Social policy and political economy in Europe, Japan and the USA. Ed. by Bernhard Ebbinghaus and Philip Manow. London; New York, 2001. P. 2.

Царегородцев Сергей Станиславович

кандидат политических наук,

АНО «Научно-практический центр внедрения новых социальных технологий» (г. Москва)

КОНЦЕПТ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ИСТОРИИ МЫСЛИ: ОТ СОКРАТА К Ф. БЭКОНУ

Одной из актуальных проблем современной политической науки является проблема осмысления концепта справедливости в истории мысли¹. Одним из тех, кто разработал оригинальные подходы к трактовке справедливости, связав ее с общественным согласием, был английский ученый и политический деятель Френсис Бэкон (1561–1626).

Ф. Бэкон глубоко изучил труды философов и политиков предшествующих эпох. Это знание, безусловно, оказало значительное воздействие на разработки Ф. Бэкона².

Из античных мыслителей, повлиявших на творчество Ф. Бэкона, прежде всего, выделяется Сократ (ок.469 – 399 до н. э.), положивший начало изучению человека и политических отношений, и которого Ф. Бэкон считал «честным и глубоким последователем истины»³. «...Есть одно только благо – знание и одно только зло – невежество», – утверждал Сократ⁴. По его взглядам подлинное знание — есть твердая опора человеческой жизни и всего государства, а власть может принадлежать только «лучшим». Настоящий политик, по его убеждению, должен иметь обширные знания, быть опытным, образованным профессионалом, владеющим искусством государственного управления. Симпатии Сократа на стороне сильного, мудрого политика, который отстаивает справедливость, добродетель и жестко «изгоняет несправедливость и распушенность... удаляет пороки». Власть в государстве должна доставаться не по выбору, а по знаниям и способностям граждан. «Я думаю, – говорит Сократ, – судить нужно на основе знания, а не принимать решения по важнейшему вопросу большинством голосов»⁵. В этой связи Сократ критикует афинский политический строй, нередко выдвигающий во власть случайных людей. Заметим, что, обращаясь к сократовскому принципу главенства знания в политике и жизни, Ф. Бэкон, развивает, расширяет его содержание, провозглашая фундаментальный принцип «слияния человеческого знания и человеческой мощи»⁶.

Высоко Ф. Бэкон ценил и учения Платона (427–347 до н. э.) и Аристотеля (384–322 до н. э.), особенно о политике и моделях государственного устройства. Как известно, в труде «Государство» Платон изложил свои представления о модели совершенного, наилучшего государственного устройства. Влияние этой модели, так или иначе, проявлялось в политических взглядах многих мыслителей последующих столетий, в том числе и во взглядах Ф. Бэкона.

Совершенному по организации государству, как считал Платон, присущ ряд специфических признаков, особенностей, способствующих решению важных жизненных задач.

¹ См.: Андерсон К. М., и др. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 4. С. 91–127.

² См.: Царегородцев С. С. Творчество Ф. Бэкона в историко-политологическом контексте // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 1(54). С. 160–169.

³ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук: Кн. 2. // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т., Т.1; сост., общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина; пер. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского. М., 1977. С. 154.

⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева; пер. с древнегреческого М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 102. Ср.: «...Знание себя дает людям очень много благ, а заблуждение относительно себя – очень много несчастий» (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. с лат. С. И. Соболевского. М., 2019. С. 204).

⁵ Платон. Государство // Соч. в 4-х т., Т.3; пер. с древнегреческого М. С. Соловьева [и др.]. СПб., 2007. С. 184.

⁶ Бэкон Ф. Великое восстановление: Роспись сочинения // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т., Т.1; сост., общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина; пер. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского. М., 1977. С. 79.

Один из этих признаков связан с тем, что экономические и политические отношения в решении государственных задач должны основываться на согласии всех свободных граждан и сословий. Это согласие людей, общественных слоев выступает как идейно-политическая основа общественного и государственного устройства. «Люди, — пояснял Платон, — нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы не творить несправедливость и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор»¹. И далее: «Наше государство делает совершенным единство мнений у правителей и подвластных»². Ф. Бэкон в своей творческой и практической деятельности именно проблеме всеобщего согласия верхов и низов, всех основных общественных сил в решении злободневных государственных задач придавал первостепенное значение. Согласие в обществе он считал основой политической стабильности Англии и залогом социальной справедливости.

Что касается учения Аристотеля, то Ф. Бэкон высоко отзывается о политических идеях мыслителя, развивающих платоновскую традицию обстоятельного анализа основных форм социально-политической жизни греческого общества. Это относится, в частности, к выводам Аристотеля о желательном политическом строе, который охарактеризован как «аристократия», то есть управление, власть лучших³. Ценными также Ф. Бэкон считает изложенные в аристотелевской «Политике» идеи о том, что государство опасно подвергать радикальному искусственному переустройству, так как произвольное реформирование разрушает государственный строй⁴. К этому нужно добавить, что размышления Аристотеля в «Политике», раскрывающие причины государственных переворотов и мятежей, перекликаются с бэконовским анализом механизма, всей технологии подготовки антиправительственных выступлений и захвата власти, с его представлениями о необходимых мерах предупреждения таких выступлений, изложенными им в эссе «О смутах и мятежах».

По Аристотелю, «причиной возмущений бывает отсутствие равенства...»⁵, «но главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом государственном строе отклонения от справедливости»⁶. Эти отклонения связаны с распрями, противоречиями в государственных структурах, со стремлением определенных лиц и политических сил к чрезмерному возвышению и превосходству, то есть, по существу, с борьбой за власть. «Превосходство, — подчеркивает Аристотель, — ведет также к внутренним распрям, когда кто-либо — один или несколько — будет выдаваться своим могуществом в большей степени, нежели это совместимо с характером государства и властью правительства»⁷. Самой серьезной причиной мятежей, по Аристотелю, является притеснение населения властью, ухудшение материального положения подданных, ведущие к «несогласию друг с другом»⁸.

В свою очередь, Ф. Бэкон в эссе «О смутах и мятежах» так говорит о причинах народного возмущения: «...Надлежит разбираться в предзнаменованиях политических бурь, которые обычно всего сильнее, когда речь идет о равенстве. <...> Чрезмерное увеличение знати и других привилегированных групп по сравнению с численностью простого народа не замедлит свергнуть страну в нищету. <...> Надлежит заботиться, чтобы деньги и драгоценности не скопились в руках немногих»⁹.

Рассматривая причины антигосударственных волнений и мятежей, Аристотель обозначает условия обеспечения политической стабильности в государстве, раскрывает суть

¹ Платон. Государство // Платон. Соч. в 4-х т., Т.3. СПб., 2007. С. 143.

² Там же. С. 243.

³ См.: Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х т., Т.4. М., 1983. С. 501–503.

⁴ См.: там же. С. 550.

⁵ Там же. С. 528.

⁶ Там же. С. 542.

⁷ Там же. С. 530.

⁸ См.: там же. С. 537–538.

⁹ Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические. О смутах и мятежах // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т., Т. 2. М., 1978. С.380, 383–384.

«спасительных мер», благодаря которым государственному устройству вообще и каждому из его видов, в частности, можно обеспечить устойчивое состояние¹. В целях предотвращения политических распрей и смут, считает Аристотель, прежде всего, необходимо следить, чтобы в государственных структурах не появлялись люди, стремящиеся к «возвышению над прочими», претендующие на власть. Привлекать к высшим должностям нужно тех, кто «сочувствует существующему государственному строю, ...отличается добродетелью и справедливостью»². Таких людей нужно воспитывать: «Самое важное из всех указанных нами способствующих сохранению государственного строя средств, ...это воспитание в духе соответствующего государственного строя. Никакой пользы не принесут самые полезные законы ...если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны»³. Это утверждение Аристотеля прямо перекликается со следующими высказываниями Ф. Бэкона: «Государства слишком заботятся о законах, к воспитанию же граждан относятся небрежно. <...> А в большинстве своем политические деятели, не воспитанные в духе учения об обязанностях и всеобщем благе, все измеряют собственными интересами, считая себя центром мира, ... и вовсе не заботятся о корабле государства, даже если его застигла буря, лишь бы им самим удалось спастись на лодке собственного преуспеяния и выгоды»⁴. Добродетель и справедливость стали значимыми ориентирами в поисках Ф. Бэконом идеала государственного устройства.

Наряду с Платоном и Аристотелем, еще одним античным мыслителем, наследие которого оказало определенное влияние на творчество Ф. Бэкона, стал Эпикур (341–269 до н. э.). В свое время, высоко оценивая идеи и деятельность Эпикура, В. М. Парадиев писал: «он (Эпикур. – С. Ц.) является предшественником Фр. Бэкона, Гоббса и Юма»⁵.

Ф. Бэкон критикует этику Эпикура, его нравственные идеалы, оторванные от жизни, суть которых сводится к достижению удовольствия, безмятежности⁶. Вместе с тем, вполне очевидна определенная схожесть мыслей Ф. Бэкона с размышлениями Эпикура по вопросам государственного устройства. Здесь следует заметить, что школа Эпикура «Сад», с ее особой организацией как мира свободы, согласия и высоких размышлений, явилась определенным прообразом совершенного, справедливого общественного устройства, созвучного идеям Ф. Бэкона, которые он изложил в своем сочинении «Новая Атлантида» (1627). В частности, Эпикур полагал, что государство в своей основе имеет согласие, общественный договор⁷. По общему согласию, по договору сложились условия по сохранению, защите общественного порядка, чтобы люди не наносили вред друг другу⁸. Соблюдение договора служит благоразумию и справедливости. «Самые счастливые люди, – утверждал Эпикур, – это те, которые ...живут друг с другом в согласии»⁹. Идея общественного согласия в справедливом общественном устройстве Эпикура нашла свое отражение в творчестве Ф. Бэкона¹⁰.

¹ См.: Аристотель. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х т., Т.4. М., 1983. С. 544.

² Там же. С. 548.

³ Там же. С. 551.

⁴ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук: Кн. 1. // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т., Т.1. М.: Мысль, 1977. С. 98, 100.

⁵ Парадиев В. М. Философ Эпикур и его проблема освобождения людей от богов: Лекция. Казань: тип. М. А. Семенова, 1911. С. 18.

⁶ В частности, в 7-й книге сочинения «О достоинстве и приумножении наук» Ф. Бэкон указывает на то, что учение Эпикура имеет в виду только спокойствие и наслаждение отдельного лица и не имеет никакого отношения к общественному благу (См.: Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т., Т.1. М., 1977. С. 391).

⁷ См.: Гончарова Т. В. Эпикур. М., 2014. С. 268.

⁸ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов; пер. с древнегр. М. Гаспарова. М., 2009. С. 429.

⁹ См.: Коплстон Ф. Древняя Греция и Древний Рим // История философии: в 9 т. Т. 1; пер. с англ. Ю. А. Алакина. М., 2003. С. 186.

¹⁰ См. подробнее: Царегородцев С. С. Consensus omnium Фрэнсиса Бэкона. М.: Аквилон, 2022; см. также: Царегородцев С. С., Ширинянц А. А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59). С. 64–78.

Наряду с влиянием античных мыслителей, в работах Ф. Бэкона обнаруживается влияние континентальных мыслителей-гуманистов, в особенности Никколо Макиавелли (1469–1527). Идеи флорентийца серьезно повлияли на Ф. Бэкона, который прямо указывал: «Нам есть за что благодарить Макиавелли...»¹. Ф. Бэкон поддерживал позицию Макиавелли и использовал в своем творчестве его идеи в области соотношения политики и морали, политических целей и способов их реализации. По Макиавелли, политическая деятельность правителей имеет своей главной целью защиту государственного строя. И здесь возникает вопрос о целесообразности, необходимости и моральной оценке тех или иных мер для реализации поставленной цели. Например, Макиавелли пишет: «Когда речь идет о спасении родины, не следует принимать во внимание никакие соображения о том, что справедливо и что не справедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно, но необходимо, забыв обо всем прочем, действовать так, чтобы спасти ее существование и ее свободу»². Ф. Бэкон позитивно воспринял тезис Макиавелли: «не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо»³. Он вполне по-макиавеллевски советовал английской королеве Елизавете I различные меры воздействия на мятежную оппозицию и ее лидеров, вплоть до подкупа⁴. Таким образом, в понимании Ф. Бэкона, в случае, когда возникает угроза существованию родины и государства, концепт справедливости теряет свое первостепенное значение и уступает свое место другим, более важным заботам.

Важно подчеркнуть, что оригинальные идеи Ф. Бэкона, ставшие мировым достоянием, возникли не на пустом месте. В своих научных изысканиях он опирался на учения выдающихся мыслителей древности, эпохи Возрождения и Нового времени. Из трудов предшественников Ф. Бэкон воспринял идеи, ставшие главными в его творчестве. Именно эти идеи получили творческое развитие в постановке и решении им значимых, актуальных в его время вопросов и проблем.

Шириняц Александр Андреевич

доктор политических наук, профессор,

заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва);

ведущий научный сотрудник

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва)

«ГОСУДАРСТВО»: СЛОВО И СМЫСЛЫ⁵

Специфика различных концепций социального государства во многом определяется ориентацией их создателей на «базовые» определения, опираясь на которые можно ответить на вопрос – что представляет собой государство как таковое? Можно констатировать,

¹ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук: Кн. 7. // Бэкон Ф. Соч. в 2-х т., Т.1. М., 1977. С. 401.

² Макиавелли Н. Государь // Законы правителя: в 3-х т., Т. 2. М., 2010. С. 94.

³ Там же, С. 110.

⁴ См. об этом: Царегородцев С. С., Шириняц А. А. Первый политический меморандум Фрэнсиса Бэкона // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 3 (77). [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840005237-9-1/?ysclid=lnrej4hxob372474796>

⁵ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

что в научном мире по данному вопросу до сих пор отсутствует консенсус¹. Проблема, однако, заключается даже не в отсутствии консенсуса, а в том, что споры вокруг таких вопросов – Существует ли универсальное определение государства?; Что такое «современное государство»? и т.д. – постоянно обостряются. Главными причинами такого положения вещей являются, с одной стороны, процесс размывание основ традиционной государственности, сложившейся в эпоху модерна, и кризис современных демократических институтов под воздействием глобализации, а с другой – господством неолиберальной парадигмы политики, которая на протяжении многих десятилетий навязывается всему миру правящими кругами стран Запада во главе с США.

Следует отметить, что и сегодня многие ученые (вполне справедливо, на наш взгляд!) полагают, что классическая характеристика государства, представленная в веберовском *magnum opus* «Хозяйство и общество», и в наши дни может рассматриваться в качестве отправной точки для дальнейшего исследования: «Первичные формальные характеристики современного государства таковы: оно обладает административно-правовым порядком, подлежащим изменению законодательством, на который ориентирована организованная деятельность административного аппарата, также регулируемая нормативными актами. Эта система порядка претендует на принудительную власть не только над членами государства, гражданами, большинство из которых получили членство по рождению, но и в очень значительной степени над всеми действиями, происходящими в сфере ее юрисдикции. Таким образом, это принудительная организация по территориальному признаку. Более того, сегодня применение силы признается законным лишь постольку, поскольку оно либо разрешено государством, либо предписано им... Требование современного государства на монополию применения силы столь же важно для него, как и его характер обязательной юрисдикции и непрерывного действия»².

Через два года после смерти М. Вебера голландский философ-правовед Хуго Краббе опубликовал книгу «Современная идея государства», многие моменты которой в плане аргументации могут рассматриваться в качестве своеобразной альтернативы веберовскому подходу: «... Современная идея государства стала доминировать в политической практике, в то время как политическая теория все еще поддерживала старый взгляд на государство, восходящий к абсолютизму. Теория не учла изменения в отношениях между правителями и подданными, которые постепенно происходили в течение последних пятидесяти лет, или, по крайней мере, не учитывала этого должным образом. На протяжении веков в нашей жизни господствовала идея суверена, имеющего субъективное право на власть, и народа, находящегося в состоянии политического подчинения. Этот суверен мыслился воплощенным либо в государе, либо в законодательном органе, и, следовательно, его право на власть рассматривалось как личное и субъективное право... Если теперь мы спросим, какая великая идея одержала верх в только что описанном процессе, мы можем ответить, что духовная власть заняла место личного авторитета. Мы живем уже не под властью лиц – физических или фиктивных юридических – а под властью норм, духовных сил. Именно в этом раскрывается современная идея государства. Старая основа, которая прежде главным образом поддерживала жизнь сообщества – личный авторитет государя, вынуждена была уступить место (или, по крайней мере, все более и более уступает место) другой основе, производной от духовной природы человечества. Эта духовная природа есть источник, из кото-

¹ См.: Андерсон К. М., и др. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 4. С. 91–127; см. также: Гуров В. А., Ширинянц А. А. Государство как личность: традиция и основные тенденции теоретической интерпретации // Электронный научно-образовательный журнал ИСТОРИЯ. 2022. № 5 (115) [Электронный ресурс] URL: <https://history.jes.su/s207987840021546-9-1/>

² Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Vol. 1. Berkeley CA, 1978. P. 56; см. также: Gill G. *The Nature and Development of the Modern State*. Houndmills, Basingstoke; New York, 2003. P. 2–3.

рого исходят реальные силы и через который пробуждаются обязанности по отношению к живому сознанию. Эти силы правят в самом строгом смысле этого слова. Этим силам можно повиноваться свободно, именно потому, что они исходят из духовной природы человечества. Сила, которую они могут проявить, коренится именно в том, что мы добровольно следуем их руководству. Такая духовная сила позволяет рождаться закону и праву (Recht) и постоянно позволяет им рождаться заново»¹.

Важную роль в понимании и адекватной интерпретации государства и его роли в современном социуме, играют: а) концепция политогенеза, с помощью которой ученые, рассматривающие политику как универсальный социальный феномен, стремятся выявить исторические корни современной политики. Само понятие «политогенез», используемое вместо традиционного, более узкого по смыслу понятия «процесс формирования государства», предполагает, во-первых, глубокую преемственность ранних государств с предшествующими политическими институтами первобытного общества и во-вторых, оно предполагает, что феномен политики исторически является более древним по происхождению и многообразным по форме по сравнению с феноменом государственности. Находящее широкую поддержку в научном мире² представление, которое в послевоенный период было обстоятельно обосновано в фундаментальном труде Кристиана Мейера «Открытие греками политики»³, по существу, фиксирует внимание на том бесспорном историческом факте, что с возникновением демократии в древних Афинах и других греческих полисах одновременно оформляется и феномен современной политики, постепенно распространившийся в цивилизованных государствах. Такой подход не может, однако, поколебать принципиальное убеждение в том, что анализ возникших задолго до классической полисной культуры типов политики и государственности в методологическом плане должен вписываться в общенаучные определения, имеющие универсальный характер. Например, М. Оукшот отмечал: «Политикой я называю деятельность, направленную на выполнение общих установлений группы людей, которых объединил случай или выбор»⁴, а Р. Гудин и Х.-Д. Клингеманн считают вполне самодостаточным даже такое определение политики, как «ограниченное применение социальной власти»⁵.

Пояняя смысл такого рода кратких универсальных определений, Р. Даль и Б. Стигбрикнер в 6-м издании своей популярной работы «Современный политический анализ» следующим образом комментируют лапидарность собственного определения политики как «осуществление влияния» («the exercise of influence»): «Очевидно, что ни общий опыт, ни систематическое исследование не оказывают большой поддержки гипотезе, согласно которой люди, участвующие в политике (т.е. осуществляющие влияние на других, особенно в крупных масштабах), изначально руководствовались заботой об общественном благе. Если кто-либо (I) принимает мнение Аристотеля, что политика по своему внутреннему свойству воплощает стремление к общественному благу и (II) верит, что такие лидеры как Адольф Гитлер и Иосиф Сталин руководствовались иными целями в сравнении с теми, которые большинство порядочных людей рассматривает как общественное благо, тогда из этого логически следует, что деятельность Гитлера, Сталина и современных диктаторов не является политической. В противоположность этому, при условии, что политика приравнивается к осуществлению влияния, деятельность Гитлера, Сталина и современных диктаторов, сколь бы подлой мы ее не считали, отчетливо вписывается в политическую сферу и как таковая является вполне подходящим объектом для политического анализа, равно как и деятельность современных диктаторски настроенных лидеров, жестоко третирующих

¹ Krabbe H. The Modern Idea of the State. The Hague, 1922. P. 3, 8-9.

² См.: Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М., 2014. С. 256 и сл.

³ Meier Chr. The Greek Discovery of Politics. Cambridge, Mass., 1990.

⁴ Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays. London: Methuen? 1962. P. 112.

⁵ Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. И. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. 1999. М. С. 33.

(«who brutalize») собственных граждан. Мы признаем, что приравнивание политики к осуществлению влияния делает ее виртуально вездесущей в человеческих отношениях»¹.

Даже если признать, что именно «вездесущность» является главным отличием современной политики от ее проявлений в первобытную эпоху и на заре человеческой цивилизации, это не лишает политику изначально присущих ей универсальных свойств, тем более, что в громадном историческом континууме, образовавшемся начиная с эпохи неолитической революции, «брутальные личности» с диктаторскими наклонностями появлялись гораздо чаще индивидов, стремящихся к общественному благу. Аналогичным образом адекватное понимание исторической природы феномена государственности существенно затрудняется, если имеющиеся в научной литературе определения их особенностей будут противоречить универсальным определениям.

В настоящее время опасность возникновения противоречий такого рода стала представляться почти минимальной после выхода в свет ряда современных научных трудов, особенно работы Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки», сформулировавших достаточно четкие методологические принципы соответствия универсальных и специфических в историческом плане определений, связанных с интерпретацией государственности. Фундаментальная для понимания природы государства на любой стадии его эволюции проблема насилия рассматривается американскими учеными «в рамках концепции институтов и организаций»². «Институты – это “правила игры”, структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов. Институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм... Одни и те же институты приводят к разным результатам»³. «В отличие от институтов, организации состоят из определенных групп индивидов, преследующих сочетание общих и индивидуальных целей при помощи частичной координации поведения. Организации координируют действия своих членов, и потому действия организации являются чем-то большим, чем просто сумма действий индивидов. Поскольку они преследуют общую цель в организации и поскольку организации обычно состоят из индивидов, которые неоднократно имеют дело друг с другом, у членов большинства организаций развиваются общие убеждения о поведении других членов и о нормах или правилах их организации. В результате большинство организаций имеют свою собственную институциональную структуру: правила, нормы и общие убеждения, определяющие способ поведения людей внутри организации... Чем больше размер общества, тем больший набор лиц, обеспечивающих соблюдение правил, необходимо так или иначе организовать. Теоретически отсюда можно сделать два вывода: государство может рассматриваться в качестве единственного актора или как организация организаций»⁴. Соответственно, теория государства «должна включать в себя теорию политики и теорию правительства»: «теория политики должна объяснять распределение и использование власти, насилия и принуждения внутри общества; теория правления должна объяснить как структуру правительственного аппарата, так и поведение чиновников и иных служащих государства»⁵.

¹ Dahl R.A., Stinebrickner B. *Modern Political Analysis*. New Dehli, 2010. P. 25–26.

² Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М., 2011. С. 58.

³ Там же. С. 58–59.

⁴ Там же. С. 60–61.

⁵ Там же. С. 443.

Лагузова Мария Андреевна

аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
научный сотрудник ФНИСЦ РАН

**ЦЕННОСТНОЕ ВОСПРИЯТИЕ
РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ
ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹**

В современных условиях, когда Россия стоит перед лицом все новых внешних и внутренних вызовов, обращение к вопросам справедливости и социального государства представляется своевременным и актуальным. Социальная справедливость – одна из ключевых базовых ценностей, на основе которой должно строиться будущее России.

В связи с этим группой исследователей из ФНИСЦ РАН и МГУ имени М. В. Ломоносова была инициирована работа над проектом «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации».

В рамках данного проекта была реализована программа изучения спектра ценностных восприятий российской студенческой молодежью идей справедливости и государства всеобщего благосостояния. В ходе исследования был применен метод личных структурированных опросов и интервью, а для реализации более массового в количественном отношении прикладного исследования – онлайн-опрос посредством сервисов Google Формы. Метод проведения опросов как метод исследования с целью получения первичных данных хорошо известен в широком спектре наук. В современном информационном обществе благодаря появлению и развитию сети Интернет, онлайн-опросы постепенно вытесняют традиционные².

Дизайн исследования

Всего было опрошено 560 человек. Респондентами выступили студенты бакалавриата и магистратуры, а также аспиранты (возраст от 17 до 27 лет) Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева, Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Основным методом, применявшимся в исследовании, стал закрытый опрос. Анкета-опросник состояла из восьми вопросов на русском языке. Респондентам предлагалось выбрать варианты ответов из предложенных авторами исследования. По конструкции ответов пять вопросов были сформулированы как закрытые вопросы с множественным выбором, два – как вопросы с возможностью выбора одного ответа и один вопрос с применением порядкового шкалирования.

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН за 2023 г. по теме «Справедливость и социальное государство как категории политики: историческая традиция и современные интерпретации» (Рег. номер ЕГИСУ НИОКР 123091800035-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

² Подобные опросы проводятся не в первый раз. См., напр., Андерсон К. М., Иохим А. Н., Лагузова М. А. Ценностное восприятие российской студенческой молодежью идеи общественного согласия // SCHOLA-2022: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца. Т. 23. М., 2022. С. 140–147.

Предварительные итоги исследования

1. У большинства опрошенных понятие «социальная справедливость» ассоциируется с «правовым государством (равенство всех перед законом)» — 73 % (см. *Рисунок 1*). Лидерство этого ответа достаточно предсказуемо, если принять во внимание результаты опросов в целом по стране (по данным ВЦИОМ на 2 августа 2023 г. 36 % россиян видят социальную справедливость прежде всего в правовом поле, в равенстве всех перед законом)¹.

Далее по популярности ответов следуют «создание условий для развития способностей каждого гражданина» — 63,2 %, «равный доступ к товарам и услугам и обеспечение жильем» — 59,1 %.

Чуть более половины опрошенных — 52,7 % выбрали «гарантии для социально незащищенных слоев населения». На вариант ответа «распределение материальных благ по результатам труда» приходится 43 %.

Почти равными по своей значимости явлениями/процессами, с которыми ассоциируется понятие «социальная справедливость», являются «свободные выборы» — 34,6 %, «примерно одинаковый уровень жизни всех граждан» — 30 % и «социальная ответственность состоятельных граждан» — 27,5 %.

Менее всего с понятием «социальная справедливость», по мнению опрошенных, ассоциируется «идеологический и политический плюрализм» — 23,8 %.

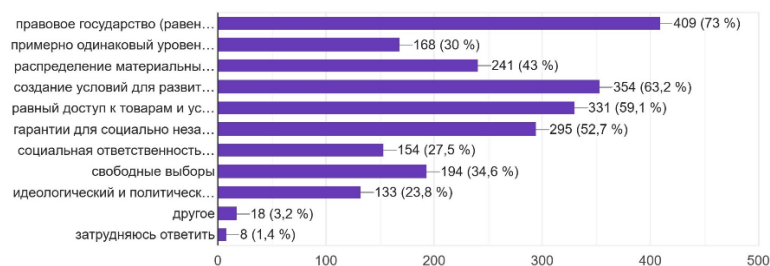

Рисунок 1. С какими явлениями/процессами у Вас ассоциируется понятие «социальная справедливость»? Выберите не более 5 вариантов ответа

2. Респонденты считают, что эрозии социальной справедливости в России в большей степени способствует коррупция — 62,9% (см. *Рисунок 2*). Чуть менее негативным фактором в этом отношении, по их мнению, является нарушение принципа «закон един для всех» — 55 %. Замыкает тройку наиболее популярных ответов «неравенство в уровне жизни между регионами и центром» — 46,8 %.

С тем, что эрозии социальной справедливости в России способствует «недостаточная поддержка государством нуждающихся слоев населения (пенсионеров, инвалидов, молодежи, детей)», «неравенство в доступе к социальным услугам (медицинским, образовательным и т.п.)», а также то, что «материальное положение членов общества не определяется их навыками, квалификацией и трудовым вкладом» согласны 35,5 %, 32,5 % и 29,6 % респондентов соответственно.

Наименее значимым фактором из предложенных, молодые люди посчитали «несправедливую систему налогообложения» — 7,3 %.

¹ Общество в поисках справедливости: опрос ВЦИОМ // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvo-v-poiskakh-spravedlivosti> (Дата обращения — 22.11.2023).

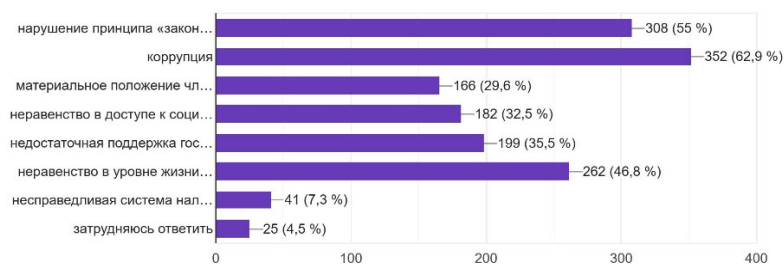

Рисунок 2. Какие факторы, на Ваш взгляд, в наибольшей степени способствуют эрозии социальной справедливости в России? Выберите не более 3-х вариантов ответа

3. В ходе опроса наиболее важными идеями и принципами социального государства внушительным числом респондентов признается «достойная жизнь и свободное развитие личности» — 63,6 % (см. *Рисунок 3*). Большое значение для опрошенных имеет «охрана труда и здоровья» — 46,6 %. Серьезно волнует молодых людей и «поддержки семьи, материнства, отцовства и детства» — 38,6 %.

Практически каждый третий респондент отмечал важность обеспечения «равного вознаграждения за равный труд» (34,1 %), «поддержки социально незащищенных групп населения» (32 %) и «социальной справедливости и солидарности общества, в том числе путем налогового перераспределения доходов от богатых к бедным» (31,8 %).

Менее значимыми идеями и принципами социального государства признаны «установление гарантированного минимального размера оплаты труда» и «развитие системы социальных служб». Они отмечены 24,3 % и 16,3 % опрошенных соответственно.

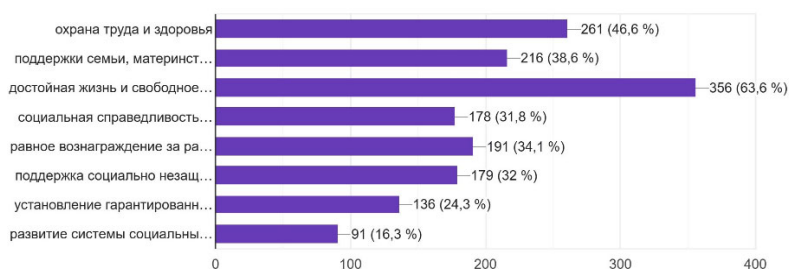

Рисунок 3. Какие идеи и принципы социального государства, на ваш взгляд, являются наиболее важными? Выберите не более 3-х вариантов ответа

4. Список наиболее социально ориентированных стран, по мнению респондентов, возглавляет Швейцария — 32 % (см. *Рисунок 4*). На втором месте Скандинавские страны — 26,4 %, на третьем Германия — 24,6 %. Далее следует Россия — 20,4 %.

Канада с 13,9 % оставила позади США, Великобританию и Японию, которые признаются наиболее социально ориентированными странами по мнению лишь 9,3 %, 8,9 % и 8,6 % опрошенных соответственно.

Исследование показало, что бывшие республики СССР — Грузия (1,6 %) и Прибалтийские страны (2 %) не воспринимаются респондентами как государства со справедливым общественным устройством. Замыкает список, что в сегодняшней ситуации вполне предсказуемо, Украина с 0,7 %.

Примечательно, что выбор наиболее социально ориентированных стран вызвал определенные сложности — достаточно большое число опрошенных (20,9 %) отметили, что затрудняются на него ответить.

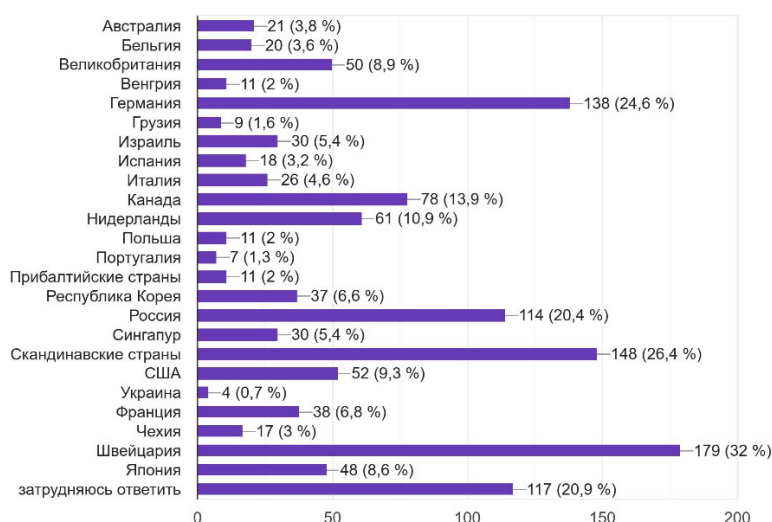

Рисунок 4. В каких странах в настоящее время, на ваш взгляд, в наибольшей степени реализованы идеи и принципы социального государства? Выберите не более 3-х вариантов ответа

5. Пятый вопрос предполагал оценку респондентами (по 5-ти балльной шкале) успешности реализации ряда принципов социального государства в современной России:

- ✓ «охрана труда и здоровья»;
- ✓ «установление гарантированного минимального размера оплаты труда»;
- ✓ «обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан»;
- ✓ «развитие системы социальных служб»;
- ✓ «установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты».

Результаты опроса показали, что, по мнению молодых людей, усилий государства недостаточно. Преобладающие оценки успешности реализации принципов социального государства — «3» и «2» балла (см. Рисунок 5). Наибольшим числом минимальных оценок было отмечено «установление гарантированного минимального размера оплаты труда» (111 из 560 опрошенных поставили ему низший балл «1»). Наибольшее количество максимальных оценок собрал принцип социального государства в части «обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан» (65 из 560 опрошенных поставили ему высший балл «5»).

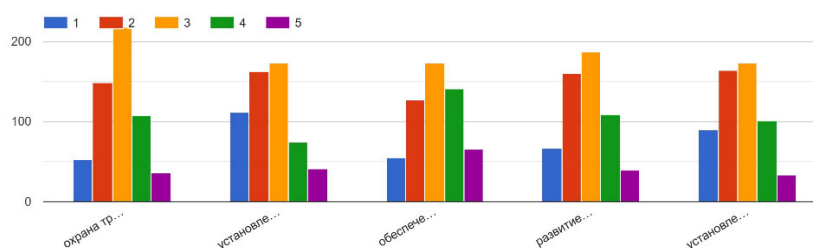

Рисунок 5. Оцените по 5-балльной шкале, как реализуются конкретные принципы социального государства в современной России

6. Согласно полученным результатам, большинство опрошенных (54,8 %), оценивая современную экономическую политику правительства России на предмет ее соответствия

принципам социальной справедливости и социального государства, выбрали вариант ответа «соответствует не в полной мере» (см. *Рисунок 6*). Полностью удовлетворены деятельностью правительства РФ в этом аспекте только 11,1 % от общего числа опрошенных.

20,4 % респондентов уверены, что текущую экономическую политику РФ нельзя охарактеризовать как справедливую и социальную, а 13,7 % молодых людей не сумели определиться со своей позицией.

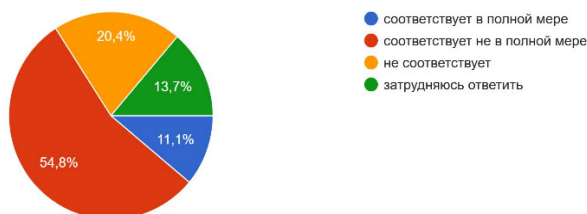

Рисунок 6. Соответствует ли, по Вашему мнению, современная экономическая политика российского правительства принципам социальной справедливости и социального государства?

7. Седьмой вопрос был посвящен представлению опрошенных относительно преобладания в российском политическом дискурсе тех или иных ценностей и ориентаций. Анализ ответов показал, что мнения по этому вопросу у молодых людей весьма различны — ни один из предложенных вариантов не набрал подавляющего количества голосов. Тем не менее, 21,6 % респондентов высказались в пользу «патриотических» ценностей (это самый распространенный ответ), 15,2 % — в пользу «консервативных», 12 % — в пользу «авторитарных» и 10,2 % — в пользу «либеральных» (см. *Рисунок 7*).

Далее в порядке убывания популярности ответов идут «традиционалистские» (6,6 %), «популистские» (5,9 %), «социалистические» (4,3 %), «националистические» (3,4 %) и «коммунистические» (1,4 %) и «неолиберальные» (1,1 %) ценности и ориентации.

Примечательно, что достаточно большое число опрошенных (18,4 %) и вовсе не смогли сориентироваться, выбрав вариант «затрудняюсь ответить».

Рисунок 7. Какие ценности и ориентации сегодня, на Ваш взгляд, преобладают в российском политическом дискурсе?

8. В восьмом вопросе респондентам предлагалось выбрать партии, которые, по их мнению, в наибольшей степени защищают принципы социальной справедливости. По этому критерию лидирующую позицию в опросе занимает Единая Россия — 34,8 % (см. *Рисунок 7*).

Далее по мере убывания популярности ответов расположились «ЛДПР» — 18,8 %, «КПРФ» — 17 %, «Справедливая Россия - Патриоты - за правду» — 13,9 %, «Новые люди» — 11,3 %, «Яблоко» — 9,5 %, «Демократическая партия России» — 3,9 %, «Партия за справедливость!» — 3,2 %, «Политическая партия социальной защиты» — 2,1 %, «Комму-

нистическая партия коммунисты России» и «Партия роста» — по 2 %, «Зеленые» — 1,6 %, «Российская партия свободы и справедливости» и «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость» — по 1,3 %.

Остальные партии («Партия прогресса», «Гражданская Сила», «Российский общенародный союз», «Гражданская Платформа», «Родина», «Казачья партия Российской Федерации», «Партия дела», «Гражданская инициатива», «Партия Возрождения России», «Зеленая альтернатива», «Партия прямой демократии») набрали менее 1 %.

Обращает на себя внимание тот факт, что в совокупности 42,9 % решили отметить варианты «ни одна из этих партий» и «затрудняюсь ответить».

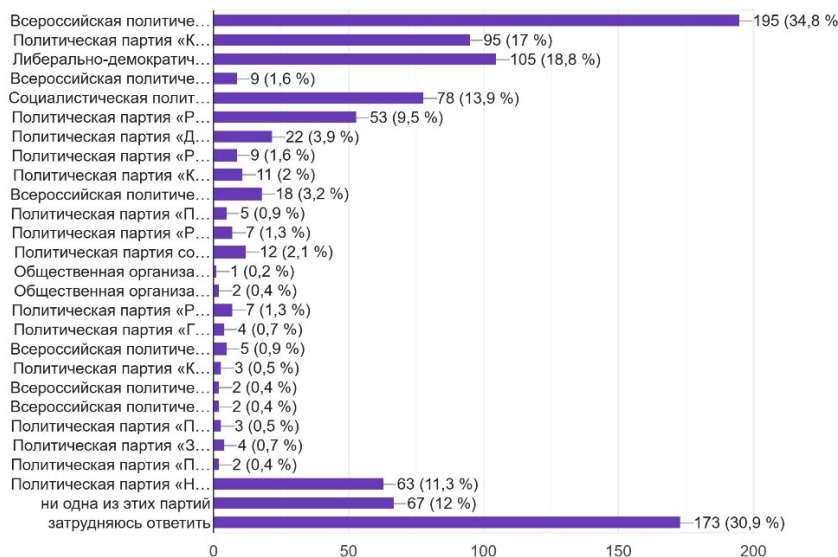

Рисунок 8. Какие политические партии в современной России сегодня в наибольшей степени являются защитниками принципов социальной справедливости? Выберите не более 3-х вариантов ответа

В заключение хотелось бы отметить, что успешная реализация программы изучения спектра ценностных восприятий российской студенческой молодежью идей справедливости и государства всеобщего благосостояния позволит дать практические рекомендации по внедрению эффективных технологий формирования гражданской и национальной политической идентичности, которые помогут преодолеть ценностные конфликты и разрывы, связанные с реализацией идеи справедливости и государства всеобщего благосостояния.